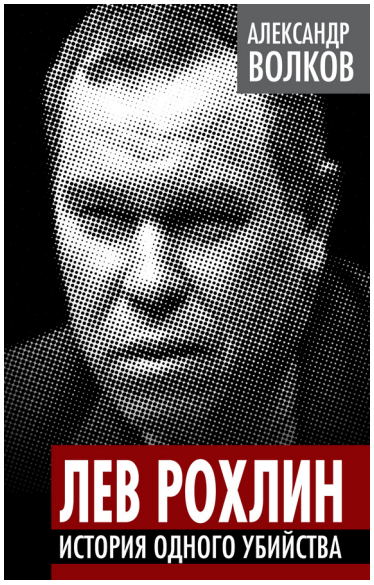
АЛЕКСАНДР
ВОЛКОВ
ЛЕВ РОХЛИН
ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА

Александр Анатольевич Волков

Лев Рохлин. История одного убийства

Серия «Власть в тротиловом эквиваленте»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011664
Александр Волков. Лев Рохлин. История одного убийства: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0083-7

Аннотация

В июле 2012 г. исполнилась очередная годовщина со дня убийства генерала Л.Я. Рохлина. Вместе с В.И. Илюхиным он создал Движение в поддержку армии и оборонного комплекса; весной 1998 года Рохлин вначале организовал военный заговор с целью свержения Ельцина, а потом пытался поднять в стране массовое протестное движение. Вскоре после этого Лев Рохлин был убит; в убийстве сразу же обвинили его жену, но обстоятельства этого дела до сих пор вызывают удивление.

Автор этой книги Александр Волков в течение многих лет работал помощником у Л.Я. Рохлина, а затем у В.И. Илюхина. Он был свидетелем последних дней Льва Рохлина и сохранил многие материалы, касающиеся его деятельности. В книге А. Волкова последовательно разбираются обстоятельства убийства генерала Рохлина и приводятся неизвестные ранее факты и документы.

Содержание

К читателям	4
Мой генерал	6
Арал – страна изгоев	10
Карьерист	13
Наука воевать	16
Дембельский аккорд	19
И опять война…	21
Академия	23
«Тревожный» корпус	25
Кавказ – эпицентр интересов	35
В политику!	37
Знакомство с Илюхиным	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Волков
Лев Рохлин
История одного убийства

К читателям

О Льве Рохлине сказано и написано много, но на страницах газет, в радиоэфире, телевизионных передачах и в Интернете продолжают появляться материалы как о самом генерале, так и о критических по своей напряженности событиях далекого 1998 года. Неподдельный интерес к герою чеченской войны, депутату и крупному политическому деятелю со временем не угасает, а ореол тайны вокруг его имени, его планов и поступков не рассеивается. И, как всегда это бывает, появляются так называемые свидетели, очевидцы тех событий с «эксклюзивными» и захватывающими по своей неправдоподобности рассказами. Мне и другим соратникам Рохлина по созданному им общественному военному формированию – Движению «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА) странно и больно читать о нашем лидере всяческие небылицы, явно преследующие цель демонизировать образ мятежного генерала. Мы-то хорошо знаем, что нет смысла приписывать ему лишнее, делать его «более» патриотом, чем он был на самом деле. И без того его слова, его поступки не дают нам возможности усомниться в решительности намерений и чистоте замыслов Рохлина.

Как полководца его украшает совершенно очевидный и никем не оспариваемый факт взятия в Грозном дворца Дудаева. В отличие от некоторых командиров соответствующего уровня он никогда не выполнял поставленные задачи ценою жизни собственных подчиненных. А в критических ситуациях порой и вовсе поступал не по чину – поднимался в полный рост и вел за собой растерявших боевой дух молодых солдат и офицеров. Для паркетного генералитета, бросившегося, как только запахло порохом чеченской кампании, писать рапорты об увольнении, и для отсиживающихся на безопасном расстоянии штабистов, требующих брать укрепрайоны боевиков любой ценой, личность Льва Рохлина продолжает оставаться неудобной, явно принижающей их служебные «заслуги». Не потому ли порой слышен приглушенный шепот безликих авторов, где генералу ставят в вину и «пушечное мясо», и коррупцию в армии, и бизнес на оружии.

Как депутата Рохлина помнят еще и потому, что он единственный председатель Комитета Государственной думы по обороне, который реально, а не на словах боролся против развала Вооруженных Сил и решительно выступал за укрепление социальной защиты военнослужащих и ветеранов. Он говорил во всеуслышание то, что другие офицеры и генералы с оглядкой обсуждали в тесном кругу единомышленников. Неискушенный в придворном политесе, вчерашний командир корпуса на всю страну называл вещи своими именами. Казнокрады в его докладах теряли привычную обезличенность и приобретали конкретные должности и фамилии. Завуалированную под международное сотрудничество поставку вооружения одной из сторон военного конфликта, вспыхнувшего среди бывших членов развалившегося Союза, он расценил как государственное преступление. Пальцем указал на виновных в массовой гибели военнослужащих в чеченской войне. Раскрыл международный заговор мафиозных чиновников, уничтожающих российский ядерный потенциал. Находясь в партии власти «Наш дом – Россия», обвинил президента Б. Ельцина в целенаправленном разрушении армии и флота. Депутат Рохлин нажил массу врагов, находившихся под защитой Кремлевских стен, обретя славу бесстрашного политика.

И, конечно же, генерал был незаурядным общественным деятелем. Его имя страна узнала, стоило ему за минимально короткий срок создать организацию военных, в которую тут же хлынули десятки тысяч угнетенных и обездоленных людей из совершенно разных социальных слоев населения. До предела обнищавшие ветераны, пенсионеры, шахтеры, учителя, вышвырнутые с предприятий рабочие «оборонки», ученые, разорившиеся предприниматели, задыхающиеся от мародерства власти бизнесмены, потерявшие силу профсоюзы, активные члены бездействующих партий – все увидели в Рохлине национального лидера. Минина и Пожарского в одном лице. «Своего» Фиделя Кастро. Русского Пиночета, готового твердой рукой навести в стране порядок. Смести с шахматной доски истории до смерти надоевшие фигуры семибанкирщины, водящие хоровод вокруг разрушающего страну Ельцина. Рохлин поднял волну народного протеста на такую высоту, что Кремль реально почувствовал близкий конец «царя Бориса». Государственная мафия ощерилась, призвав на помощь те силы, что всегда имеет при себе аморальный и безнравственный режим, ибо Власть для него – это и цель, и средство, и условие существования.

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Что бы было, если бы… Но пуля в висок… Там, где никто не ждал… И нет ответа на вопрос. И все же даже сейчас, а может быть, особенно сейчас думающие люди пытаются понять, а что действительно было бы, если бы национальный лидер остался тогда жить? Что вообще он замышлял? Как собирался вернуть страну с ее богатствами истинному ее хозяину – народу? Почему он, «слуга царю, отец солдату», добившийся высоких должностей, подразумевающих верноподданичество, вместо благодарности своим покровителям выказал им вместе с ненавистью свое нежелание представлять их интересы в парламенте страны? И вообще, каким он был, этот мятежный генерал?

Мой генерал

Да пусть простит читатель мою дерзость за название этой главы. Ведь каждый из тех, кто когда-то служил с Рохлиным, или работал в Комитете Госдумы по обороне в бытность пребывания генерала в должности председателя, или был членом созданного Львом Яковлевичем Движения в поддержку армии, с полным основанием тоже может сказать: «Мой генерал». Почему? Да потому, что, приобщаясь к делам этого незаурядного человека, соприкасаясь с ним, мы непроизвольно заряжались его душевной энергией, которая еще долго работала в каждом из нас наподобие ядерного реактора. Впрочем, сотни тысяч простых людей, разделявших с Рохлиным его взгляды на происходящее в стране и вместе с ним, а точнее, за ним готовых идти против режима Ельцина, тоже могут сказать, как и я: «Мой генерал».

Мне повезло. Именно повезло, потому что на моем месте мог оказаться другой. Такой же, к примеру, военный журналист, как я, уже успевший за время службы многое повидать, пройти через перестроечные нищету и безысходность и неожиданно оказаться рядом с человеком, которого обожали одни и люто ненавидели другие. Мне довелось со временем уже с очень немногими людьми разделить его относительное доверие, которое само по себе в обстановке жесточайшего противостояния с безнравственной властью дорогого стоило. Оно возвышало нас. Приобщало к важному делу, заставляло работать без сна и отдыха, забыв о семье и о собственной безопасности.

Поручив мне работу с журналистами, Рохлин требовал с меня, как с укомплектованной по полному штату пресс-службы. Человек жесткий и властный, в экстремальных ситуациях он мог у окружающих мобилизовать скрытые резервы способностей и таланта, о которых мы порой сами не догадывались. Я колесил с ним по стране, проводил пресс-конференции, участвовал в совещаниях, писал сценарии и снимал документальные фильмы. Готовил листовки, расшифровывал интервью, множил прокламации и сотнями рассылал в средства массовой информации, в агентства и воинские части. Под выступление председателя Комитета в Государственной думе подводил информационную основу – им выбиралась тема, которую одновременно поднимали до десятка крупных изданий, а потом он делал доклад, поручая правительству принимать экстренные меры. Мы выпускали газету, информационные листки, тесно сотрудничали с телевизионными студиями многих регионов.

Сейчас мне трудно поверить, что я успешно справлялся с такой массой разнообразных дел, но, думается, что именно генерал со своей неуемной энергией помогал мне в этом. Каждое утро часов в шесть в моей квартире раздавался его телефонный звонок, и мне поступала, говоря по-военному, новая вводная. По дороге на работу я вырабатывал определенное решение, чтобы уже входя в кабинет и садясь к телефону, приступить к его воплощению. Часам к десяти уже можно было докладывать о ходе работы и примерных временных ориентирах исполнения задачи. Лев Яковлевич молча выслушивал, обволакивал странной улыбкой, похожей на ухмылку царя зверей перед трапезой, и с миром отпускал, зная, что человек не присядет, пока не сделает все до конца. Генерала обмануть в его надеждах было нельзя. Ни у кого на это просто не хватало духу.

Специально говорю о плотности наших с ним отношений только для того, чтобы читатель понял – я неплохо узнал Рохлина в очень трудное для него время, много раз имел с генералом продолжительные и доверительные беседы, а дважды был поощрен устной благодарностью, что приравнивалось к ордену или присвоению внеочередного воинского звания. И все же я был бы слишком самоуверен, если бы заявил, что знаю генерала, могу судить о его планах с полной уверенностью, готов поклясться, что он хотел поступить так или иначе. Я скажу больше – его, наверное, не знал никто. Военный тактик и стратег, генерал, пройдя

несколько войн, закончив училище и две академии, неоднократно раненный и награжденный, являясь постоянным объектом охоты чеченских боевиков и пристального наблюдения полицейской охранки, как старый лис, мог всех ввести в заблуждение и искусно сработанные «дэзы» использовать в интересах своего дела. Он под носом у власти за считанные недели создал мощнейшую общественную организацию военных и вовлек в ее работу крупнейших политиков и финансистов, людей из близкого окружения Ельцина и даже его коррумпированной «семьи».

Информированность генерала о тайнах Кремля, откуда время от времени долетали в его сторону грозные окрики, позволяла Рохлину умело манипулировать в стране многими процессами, планировать свои действия на опережение, открывать населению глаза на вершащиеся чиновничеством преступления. Точно так же и власть, внедрив в нашу организацию провокаторов и соглядатаев, окружив ДПА филерами, опутав «жучками» для прослушки, чутко отслеживала положение дел соратников генерала. Летом 1998 года накал противостояния достиг максимума, и наэлектризованное общество созрело к самым решительным действиям. Скажу больше – 1998 год, когда готовилось выступление народа под руководством Льва Рохлина, и последующий, 1999-й, в котором проводился импичмент «царя Бориса», инициированный именно генералом, наверное, были для России того времени самыми судьбоносными, способными изменить историю государства. Для этого нам не хватило самой малости.

Я намеренно все события спрессовал в нескольких строчках, давая понять, что генерал смог за очень короткий срок взвести социальную пружину ударного механизма прогрессивной военной и народно-патриотической общественности. У кого-то на такую работу уходят десятилетия, не приносящие никакого результата. Здесь же временной рубеж от штиля до кануна революционного цунами – ровно год. Это можно посчитать достаточно точно. Время отсчета пошло с 20 июня 1997 года, когда вышло в свет Обращение генерала Л. Рохлина «К Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Российской Федерации и военнослужащим России».

Мне в руки экземпляр уже нашумевшего в армии выступления генерала попало 9 июля, в день моего рождения, в виде подарка от коллеги, журналиста и военного моряка Андрея Антипова, который уже перебрался из нашего журнала, некогда называвшегося «Советский воин», в Комитет Госдумы по обороне. На этом традиционное офицерское застолье пошло по другому руслу, превратившись в публичное прочтение Обращения Рохлина. Документ вызвал бурю коллективных эмоций. Состояние у всех было такое, какое, наверное, испытали наши родители, слушая в июле 1941-го сталинское «Братья и сестры…».

В Обращении «К Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Российской Федерации и военнослужащим России» председатель Комитета Госдумы по обороне, третий человек в списках избирательного блока от власти, неожиданно дерзко спрашивал у действующего президента о предстоящем необоснованном обвальном сокращении численности армии. Он пытал его, чем тот руководствовался в своих решениях, и тут же обвинял Верховного Главнокомандующего в некомпетентности и безразличии к судьбе страны и ее Вооруженных Сил. В таком случае, задавал вопрос генерал, имеете ли вы право, господин Верховный Главнокомандующий, со своим опытом в военной области, ничего не сделав за последние шесть лет для военной безопасности страны, принимать единоличные решения за весь российский народ, пренебрегая усилиями и лишениями его старшего поколения?

«Вы обрекли Вооруженные Силы на окончательное разрушение… В чем же дело? Может быть, для России нет уже никакой потенциальной угрозы извне? Однако факты говорят о другом.

Не церемонясь с Россией, страны НАТО приняли решение на движение блока к нашим границам. Западом осуществляется прямой диктат в вопросах военно-политиче-

ского устройства Европы, пренебрегаются интересы России. На Дальнем Востоке, стиснутый своей территорией, огромными темпами развивается полуторамиллиардный великий Китай. Он буквально задыхается в ограниченном территориальном пространстве… При вашей политике и отношении к обороне страны Россия может лишиться Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала».

Мы читали эти строки, осознавая, что они всколыхнут военную общественность. Понимали и то, что возмущению военных Ельцин должен будет что-то противопоставить. И тут же в следующих строках мы находили подтверждение своим догадкам: «Можно было бы согласиться с сокращением Вооруженных Сил, если бы совместно с ними сокращались и другие силовые структуры. Но они не только не сокращаются, а растут. Они уже ни в чем не уступают Вооруженным Силам, а при сокращении армии будут значительно превосходить ее по численности. Россия превращается в полицейское государство. Режиму не нужна армия, так как она голодна, недовольна и неугодна Западу. Режиму нужны полицейские войска, которые подкармливаются в надежде на их поддержку при возможном выяснении отношений с недовольным народом».

Очередная пощечина – Чечня. Генерал обвинил президента в прямом нарушении Конституции Российской Федерации, в несоблюдении целого ряда законов – «Об обороне», «О статусе военнослужащих», «О ветеранах». И главное, Рохлин прямо заявил, что Ельцин несет персональную ответственность за развязанную войну на Кавказе.

«Это произошло в то время, когда вы своим руководством довели армию до предела, а, приняв решение на применение войск, в последующем сдали армию. Это произошло тогда, когда в полках осталось по 5 – 10 солдат, а офицеры вместо солдат несли караульную службу и выполняли хозяйственные работы. В то время это казалось недопустимым и невозможным. Но последующая жизнь перекрыла любые представления. Когда прекратили выплачивать денежное довольствие военнослужащим, они вынуждены были по ночам охранять коммерческие ларьки и проституток, чтобы заработать на кусок хлеба, а те, кто не сумел приспособиться к новой жизни, – стреляться, не имея возможности прокормить семью.

Скоропалительность и необдуманность принятого решения не позволили армии перед началом войны в Чечне провести соответствующую подготовку. И это в условиях, когда в войсках вынужденно давно отсутствовала плановая боевая подготовка. Против наемников и зрелых мужчин вы бросили в бой восемнадцатилетних пацанов, многие из которых еще не держали оружия в руках. Увидев, что взять Грозный невозможно не только одним парашютно-десантным полком, как об этом заявлял «лучший министр обороны», но и большим числом неподготовленных полков, вы и ваши подчиненные продолжали гнать туда необученных солдат, по сути – пушечное мясо, которых сегодня призывали, а завтра они уже были в бою.

Этим мясом, потом и кровью тушился пожар в Чечне. Но, как и все другое, эта авантюра также закончилась крахом. Армия по вашему приказу срочно бежала из Чечни, оставив там на уничтожение целый полк пленных и все русскоязычное население. Погибли десятки тысяч невинных жителей и тысячи военнослужащих, а тысячи на всю жизнь остались калеками. Они безропотно выполняли ваш приказ, надеясь, в свою очередь, на вашу заботу».

Сейчас Ельцина не ругает только ленивый, а тогда это были первые публичные слова действующего военного чиновника высокого ранга, которые нас потрясли. Судя по всему, генерал предвидел некоторую растерянность, которую могут вызвать его откровения у офицерского корпуса, привыкшего не рассуждать, а подчиняться и выполнять задачи. Тут же каждый для себя должен был принять решение – как жить дальше и что делать? Поэтому Обращение адресовалось и к нам – военнослужащим. Вот что он нам не то советовал, не то напрямую подавал команду:

«Вам необходимо сплотиться. Для этого надо в каждой части провести офицерские собрания, на которых выработать законные требования и направить их президенту, Правительству и Федеральному Собранию РФ, в Верховный и Конституционный суды.

Руководство страны должно почувствовать ваше единство и понять, что вы, в отличие от него, не нарушали ни Конституции, ни законов, ни своих обязанностей и озабочены только сохранением армии, безопасностью и благополучием Родины. Но продолжающееся молчаливое игнорирование ваших законных прав, необъяснимое разрушение армии, военной науки и оборонной промышленности ставит вас в крайне тяжелое положение.

В этих условиях сорганизовывайтесь, выдвигайте лидеров на должности председателей офицерских собраний, требуйте выполнения своих законных прав. Не надейтесь, что кто-то вместо вас это сделает. В нашем единстве на пути противостояния разрушению армии – залог успеха. Иначе армия погибнет».

Полностью с этим историческим Обращением вы, уважаемые читатели, можете ознакомиться в Приложении к книге. Но чтобы понять всю взрывоопасность этого текста, потребуется мысленно вернуться в то время, когда мирное население страны и мы, военные, испытывали острое чувство безысходности и подавленности. Идет никому не нужная война в Чечне, молодежь чуть ли не с призывного пункта направляют в кровавую мясорубку, города и деревни воют от горя по убитым детям. Офицеры по 4 – 5 месяцев без зарплаты ищут любой способ накормить семьи: кто разгружает вагоны, кто «таксует», кто, как сказал в Обращении генерал, охраняет проституток. А кто стреляется. Ельцин и министр обороны Грачев самодовольно врут с телеэкранов об успехах в разгроме кавказских бандформирований. От всего этого хочется закрыть глаза – и в омут. И вдруг тебя останавливают на краю обрыва и говорят: не спеши сводить счеты с жизнью, ты же мужчина, офицер, лучше разберись с теми, кто довел тебя до такого состояния…

Не все, но я это Обращение услышал и уже через неделю оказался лицом к лицу с Рохлиным. Получил поручение подготовить пресс-конференцию к его возвращению из командировки, с задачей успешно справился и еще через неделю уже летал с ним на арендованном у «оборонки» Як-40 по городам России. За день мы посещали по два, а то и по три региона страны. На пресс-конференциях, в основном посвященных ситуации в стране и постановке задач на сопротивление режиму Ельцина, народ задавал разные вопросы, интересовались в том числе и биографией генерала. В Йошкар-Оле один ветеран прямо спросил Льва Яковлевича: «А сам-то ты из каких будешь?». Рохлин вроде бы даже хотел все свести к шутке, ведь он-то все время говорил о Ельцине да о чиновниках, а тут какой-то местный дед Щукарь пытается увести разговор в сторону. Но зал смотрел на генерала с интересом и требовал деталей. Пришлось говорить…

Арал – страна изгоев

На той пресс-конференции в Йошкар-Оле, о которой я упомянул, он достаточно сдержанно поведал, что родился в Аральске 6 июня 1947 года, что мать звали Ксенией, в девичестве Гончарова, что были еще старшие брат и сестра. Отца не помнит. Потом Ташкентское училище, служба…

Стоп, стоп! Это в спешке авиагонки по стране в целях создания ДПА Рохлин не мог себе позволить говорить с народом «о второстепенном». Но мы-то хотим и имеем возможность спокойно разобраться и в его биографии, и в домыслах досужих журналистов. Причем и в том, кто же был его отец. Тема национальности генерала не давала покоя «озабоченным»: псевдопатриоты видели в генерале «проект Сиона»; агенты Кремля на этой теме хотели вбить свой клин в монолит интернационального и надпартийного Движения в поддержку армии; израильские политологи пели осанну генералу, относя его военный талант исключительно к характерным качествам своей нации. А на встрече с журналистами в Астрахани один из молодых, но рьяных писак, провоцируя скандал, вызывающе сказал Льву Яковлевичу:

– Октябрьский переворот в 1917 году совершили евреи. Чем это закончилось, мы все знаем. Неужели вы думаете, что за вами пойдут массы?

Я вел эту пресс-конференцию и хотел было одернуть обнаглевшего борзописца, но Рохлин только глянул в мою сторону, и я тут же осекся. Не скрою, мелькнула мысль, что генерал сейчас сгребет сосунка в огромную лапу и задаст ему хорошую трепку. Но услышал удивительно спокойный голос моего старшего товарища:

– Если вы так ставите вопрос, то я вам скажу, кем сам себя считаю. Конечно, русским. Может быть, даже больше русским, чем есть вы. Моя мать Ксения, до замужества Гончарова, – женщина простая, бесхитростная, но очень культурная, самостоятельно получившая хорошее образование. Она много читала – и мировую, и русскую классику. А ведь поднимала нас одна, без мужа. Днем работала, вечером готовила и стирала, а ночью я слышал шелест страниц. Может быть, это давало ей возможность забыться, найти отдушину в череде беспросветных будней. И меня, и брата Владислава, и сестру Ксению воспитала настоящими русскими патриотами. А военное училище, бойня в Афганистане и Чечне, все эти конфликты на Кавказе, где мне пришлось гасить огонь междоусобиц, и вовсе заставили меня забыть о таком понятии, как национальность. Приходилось пользоваться другими категориями – хороший человек, плохой, наш или враг, смелый или трус, честный или лжец, выполнит боевую задачу или завалит дело. Теперь еще вот новые понятия появились – государственник или государственный преступник, готовый пустить завоевания поколений по ветру, все приватизировать, разграбить, присвоить себе…

Откровенно говоря, я не ожидал от Рохлина такой отповеди этому человечку. Командир, который поднимал солдат за собой в бой с помощью угроз и русского мата, способный на плацу в пух и прах разнести отстающий в учебе полк, любому начальнику сказать «шершавую» правду, тут оказался настоящим дипломатом. Ни взглядом, ни голосом он не дал понять, что бестактный мальчишка вторгся в тему, которая среди военных, прошедших ад боевых действий, не обсуждается и считается верхом невоспитанности. Ведь люди плечом к плечу идут в бой, делят последнюю горсть патронов, друг другу дают адреса, куда следует написать в случае гибели одного из них. Что такое в этом случае чужая кровь, если в медсанбатах и госпиталях она давно перемешалась в одну группу, которая называется – Солдатская! Все – побратимы!

А про отца Рохлин избегал говорить по другой причине. Бесспорно, он кое-что знал о трудной его судьбе, но явно не все. Хотя еще в юности понял, что некоторые страницы семейной биографии афишировать по известным причинам не стоит.

Согласно исследованиям, которые проводились уже после трагической гибели генерала, его отец, Яков Львович Рохлин, родился в 1920 году в Киеве, учился в Киевском университете на лингвиста, был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде и, отсидев три года в тюрьме, сослан в Аральск. Работал там учителем, женился на местной уроженке Ксении Гончаровой. У них родилось двое детей, сын и дочь. В 1942 году Яков Львович был призван в армию, воевал рядовым красноармейцем и в 1943 году попал к фашистам в плен. Выжил только потому, что назвался татарином Якубом Рахматуллиным. После освобождения в 1946 году вернулся домой. Его не приняли на прежнюю работу в школе, и он подался в рыбачью артель. В 1947 году родился второй сын, названный в честь деда – Лев. Однако пожить мирной жизнью Якову не пришлось. Над ним снова стали сгущаться тучи. Осознав близкий арест, из семьи ушел, а вскоре его осудили. С 1948 года он, по словам свидетелей, отбывал наказание на урановых рудниках в поселке Майлису, потом его следы теряются за колючей проволокой Гулага.

Судя по всему, мать вначале скрывала от детей пленение отца и последующую за ним отсидку в советских лагерях. Когда же они узнали об этом, были уже взрослыми, оба брата служили в армии. Что-то менять в документах не имело смысла. Впрочем, это было и небезопасно – в то время за сокрытие таких фактов можно было расстаться и с партбилетом. Естественно, уже это заставляло Льва, его брата и сестру хранить семейную тайну, а в официальных документах в графе «Были ли родственники в плену, под судом и следствием?» «чистосердечно» писать: «Нет». Поэтому в личном деле генерала была подшита собственноручно написанная автобиография, в которой он, будучи уже полковником, сообщал: «Отец бросил семью в 1948 году, когда мне было 8 месяцев. Семья жила бедно на 60 рублей материнской зарплаты и алименты от отца, от которых он часто уклонялся. Особенно в такие периоды в адрес отца звучали проклятия и плач матери, которая считала его виновником нашей тяжелой жизни, того, что мы жили в бедности». Судя по этим строкам, Рохлин еще не знал всех подробностей жизни отца после ухода того из семьи.

Позже на вопрос, вспоминает ли он место, где прошло его детство, Лев Яковлевич ответил:

– Арал – страна изгоев и высохшего моря. Конечно, вспоминаю. Там много было вышедших на свободу репрессированных по политическим мотивам. Людям некуда было ехать, и они оставались жить недалеко от собственных лагерей. В нашей школе бывшие зэки работали учителями. Образованные, грамотные, они давали нам глубокие знания даже по столичным меркам. Оттого одноклассники, если не садились по семейной традиции в тюрьму, то, как правило, легко поступали в вузы.

Детство выпало тяжелое, на выживание. Это сейчас охота и рыбалка – хобби, а тогда только за счет этого и выживали. Добыча пропитания в самом буквальном смысле этого слова спасла меня от многих пагубных привычек. Я до сих пор не курю, а что такое вкус вина, узнал лишь будучи офицером. Тогда не было времени шататься по поселку. Каждый день мешок килограммов пятьдесят с сетями на спину – и вперед, километров на десять – пятнадцать.

Подобная суровая жизнь закалила Льва не только духовно, но и физически. В классе седьмом будущему генералу предложили отстаивать честь школы в соревнованиях по бегу.

– Преподаватель по физкультуре говорит: «Ты давай, тренируйся сам!». А я разве знаю, как это делать? Ну, прочитал книжку про австралийского бегуна без руки и начал тренироваться: приходил на берег моря, а это, замечу, сплошные обрывы и волны, и бегал там до изнурения. Именно благодаря спорту я и «вышел в свет» – поехал на соревнования в област-

ной город Кзыл-Орда. Там впервые увидел пятиэтажные дома, стадион, траву. Помню, лежу на траве и все не верю. Трава!!! Настоящая трава, которую я в своей жизни раньше не видел.

Подошло время выбирать вуз. Арал, хоть и стремительно мелел, оставляя пристани и доки в песках пустыни, но всегда считался приморским городом. Оттого многие мальчишки, проведя детство под шум набегающей волны, став юношами, стремились в учебные заведения, готовящие специалистов для морского транспорта. Не стал исключением и Рохлин. Окончив десятилетку, поехал с друзьями в Чарджоу осваивать секреты кораблевождения.

– Когда уже начались экзамены, – вспоминал Лев Яковлевич, – я умудрился повздорить с одним из абитуриентов, который свою физическую слабость компенсировал силой «мохнатой лапы». Словом, меня отчислили. Первое, о чем подумал, это как отреагирует на такой «фокус» мама…

О матери Лев Яковлевич говорил с любовью:

– Я в жизни испытывал много тяжелого, порой такого, что и выдержать было уже невозможно. В эти моменты всегда призывал на помощь мать, как Божество: «Мама, милая, помоги мне! Ну, помоги!». И, знаете, становилось легче. Она воспитывала меня с любовью, но в строгости. Если провинился, то бегала за мной с палкой в руках вокруг стола, а когда не догоняла, садилась и начинала плакать. Видеть ее слезы было смертельно. Может, поэтому я и поступил в училище. Если бы не поступил, то домой не вернулся бы: перед матерью было стыдно.

Возвращался домой через Ташкент, в котором было два военных училища – танковое и высшее общевойсковое командное. В танкисты я не подходил по росту, а для пехоты, посчитал, в самый раз. И хотя в ВОКУ экзамены к тому времени закончились, меня приняли по сумме баллов школьного диплома. Я к тому же еще спортсменом был, хорошо бегал. Когда надел форму, сообщил маме. Она была просто счастлива – оба сына будут офицерами!

Сестра Льва Рохлина Лидия Зорина о детских и юношеских годах брата говорила так:

– Лев рос упорным мальчишкой и во всем хотел верховодить, быть первым. Много занимался спортом, в основном бегал. Тренировался на берегу Арала. Ноги увязали в песке, а он, несмотря на такие условия, чуть ли не каждый день наматывал километры. И в военном училище это ему пригодилось. Наша мама очень была рада за сыновей. Одеты, обуты, накормлены и профессия по тем временам очень престижная. Офицер! Раньше это звучало гордо. Братья всегда этому высокому статусу соответствовали.

Карьерист

В армии бытует поговорка, что сын полковника не может стать генералом. Почему? Потому, что у генерала есть свои сыновья. Родилась она не от простого зубоскальства, а от многократного подтверждения суровыми реалиями жизни. Если анализировать генеалогическую рощу советского и российского генералитета, то вся правда быстро всплывает наружу. Их сыновья без труда поступали в военные училища, удачно распределялись в группы советских войск за рубежом или ехали «отметиться» в Забайкалье. Потом их ждал накатанный путь: военная академия, должность командира полка, звания, как только подходил срок, удачливый отпрыск военачальника направлялся на учебу в очередную академию – Генерального штаба. И вот на погоны ложится большая звезда. Такая, как у папы…

У ребят «из народа» нередко военная биография складывалась иначе. Непрестижное училище, дальние гарнизоны, звания с задержкой. Бывает, судьба за время службы так и не повернется к тебе лицом. Не успеешь оглянуться, а ты уже «неперспективный», в сорок лет еще капитан. Впереди пенсия. Позади – впустую растраченные годы. Потерянное здоровье. Убитые нервы.

Конечно, между первыми и вторыми всегда были и другие офицеры. Сами, как говорится, от сохи, но с неуемным желанием учиться, проявлять командирские качества, вопреки трудностям и неудачам идти напролом к своей цели. Они, не обращая внимания на неустроенный быт, забывая об интересах семьи, не зацикливаясь на несправедливых придирках начальников, зубами вгрызаются в службу, и ничего их не может сломать. Из всех передряг выходят сильнее, умнее, расчетливей. Служить с такими трудно, но весело, интересно; кажется, будто именно тут решается самое главное дело страны. Вот Рохлин как раз из этой породы.

Когда генерал создавал Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки», он часто опирался на своих однокашников по военному училищу или военным академиям. Один из таких, Сергей Папанов, уволившись из армии подполковником, рассказывал мне о курсанте Рохлине следующее:

– Я не мог представить, что он так далеко пойдет. В училище Лева был, как все. Единственное, чем отличался, это выносливостью и силой воли. Кросс, марш-бросок с полной выкладкой – Рохлин всегда впереди, задает темп, подтягивает отстающих. Словом, все четыре года был чемпионом, отличником. Ташкентское ВОКУ закончил с золотой медалью и для дальнейшего прохождения службы был направлен в Группу советских войск в Германии. Когда разъезжались, помню, один наш новоиспеченный лейтенант сказал о нем: «Ишь, тихой сапой вышел в отличники и тю-тю за границу. Карьерист…». Какой он карьерист? Получил все, что реально заслужил.

Как мы знаем, у «карьериста» толкача с «мохнатой лапой» не было, рассчитывать он мог только на себя. В ГСВГ в 1970 году лейтенант Рохлин ехал не за «ощущениями» заграничной жизни, не за тем, чтобы попить бюргерского пивка, а с одной целью – пахать. Для него, в отличие от многих, любой другой город после пыльного и грязного Аральска, утопающего в песках наступающей пустыни, казался санаторием. Что в Советском Союзе, что в Германии. А расположение части, оно ведь везде одинаково: казармы, парк боевой техники, плац, столовая, солдаты. Да еще полигон, где и проходила его жизнь.

Мы уже говорили, что Рохлин был человеком заинтересованным, азартным, увлекающимся. И, что самое главное, умел увлекать других. С ним рядом все заводились и начинали, поглядывая на командира, бегать сами, суетиться, добиваться коллективных целей, переживать за общий успех. Его взвод очень быстро стал образцовым, на учениях показывал отлич-

ную слаженность действий, метко стрелял, мастерски водил боевые машины. Словом, работал с максимальной отдачей.

К сожалению, очень часто бывает так, что какой-то коллектив на учениях действует отменно, а в расположении подразделения расслабляется. Дисциплина хромает, «старики» «ездят» на молодых, офицеры пораньше стремятся сбежать со службы. Того и гляди, жди крупного ЧП. Такое случается сплошь и рядом, но только не у Рохлина. Лев прибегал в казарму ни свет ни заря, чтобы проверить службу дневальных, проследить за подъемом и лично провести физзарядку. Весь день занятия, потом подготовка, к примеру, к караулу, а дальше вместе с личным составом сутки в наряде. Утром он опять раньше всех в казарме. Оттого и дисциплина во взводе была крепкая. Когда командир все время рядом – не побалуешь.

Вот эти самые качества лидера, максимальную самоотдачу, желание добиваться самых высоких результатов быстро заметили. И когда через два года в полку появилась вакансия командира роты, ее занял именно Рохлин. Мало того, старшего лейтенанта за стабильные показатели личного состава в боевой учебе наградили орденом Красная Звезда, а когда подошел срок замены, офицера направили на учебу в Военную академию им. М.В. Фрунзе. Вот это уже был качественный скачок в его военной карьере.

Невольно задаешься вопросом, почему судьба так благоволила именно Рохлину, как говорится, человеку без рода и племени, когда рядом служили генеральские отпрыски, которых он в первые пять лет оставил далеко позади себя? Сам Лев Яковлевич говорил так:

– Каждый офицер хочет быть уверен, что подчиненные выполнят любую задачу. От этого зависит его личная карьера в службе, благополучие, расположение к нему старших воинских начальников. А коль так, то он должен опираться не на людей с хорошей родословной, а на тех, кто работает и гарантированно исполняет приказы. Не от случая к случаю, как повезет, как звезды там на небе расположатся, а все время. Поэтому таких командиров и повышают. Я и сам назначал знающих, думающих и смелых офицеров на должности, которые были намного выше их званий. Особенно в боевой обстановке, в Афганистане и в Чечне. Ведь не случайно бытует присказка: «Кадры решают все».

Москва и учеба в академии не испортили Рохлина. После окончания военного заведения, в 1977 году, капитан был направлен в Заполярье, в Алакуртти, командовать батальоном. И стиль его работы не изменился. Теперь не взводный, а комбат приходил в казарму задолго до подъема, а уходил за полночь. Боевая учеба оставалась для него главным приоритетом. Как жена выдержала постоянное отсутствие мужа, знает только она. Тамара Павловна, бывшая медсестра ташкентского военного госпиталя, все ждала, когда ее Лев насытится службой и станет чаще бывать в семье. Вместо этого он отправил ее к маме, а сам в 1982 году двинул в Афганистан командовать 860-м мотострелковым полком.

Вот что рассказывал по этому поводу сам Лев Рохлин:

– Маршал Советского Союза Соколов приказал подыскать на должность командира 860-го отдельного мотострелкового полка в Афганистане опытного командира полка. Я к тому времени командовал уже вторым полком, и общий стаж командования полками составлял два с половиной года. Но у меня была сложная ситуация в выборе. Дело в том, что командир танкового полка Богданов, который со стороны наблюдал за моей службой, став командиром дивизии в Каменке, под Ленинградом, прикладывал все силы, чтобы я пришел к нему начальником штаба. А тут мне предлагают полк в Афганистане. Для карьериста, каким я тогда был, это был трудный выбор. В тридцать пять лет стать начальником штаба дивизии – большое дело. Но, с другой стороны, получить опыт войны – тоже немало. В конце концов я решил, что второй вариант будет для меня лучше. Да и как можно было отказаться? Там война… Стыдно не быть там… Не по-мужски. Короче, нас было пять кандидатов… В

разговоре с кадровиками я заявил, что, если меня назначат, я справлюсь. Наверное, сказал очень уверенно. И выбор пал на меня.

Наука воевать

Командир полка – должность для очень волевого человека. Он обязан думать комплексно и не бояться брать ответственность за свои действия. Ему ставится основная задача, а решение он вырабатывает самостоятельно, опираясь на конкретную обстановку, наличие сил и средств. Не справишься – будешь наказан. Справишься, но потеряешь много людей, можешь попасть в немилость. Проявишь инициативу, на которую сверху посмотрят косо, получишь нагоняй. Не проявишь, «затихаришься», скажут: трус или бездельник. Словом, комполка всегда на раскаленной сковороде. И особенно в условиях ведения боевых действий.

Полк, который принял Рохлин, в целом был на хорошем счету. Он дислоцировался под Файзабадом в отдалении от других частей соединения. Вокруг территория, контролируемая душманами. Они ночами беспрепятственно подбирались к расположению мотострелков и устраивали устрашающие акции. Открывали огонь, забрасывали гранатами выставленное охранение и быстро откатывались, зная, что советские преследовать не станут. Так продолжалось до тех пор, пока не появился новый командир.

Лев сразу понял, что без поддержки местного населения он постоянно будет в окружении врагов. Поэтому первым делом проехал по ближайшим населенным пунктам в поисках доброжелательно настроенных афганцев. Таковых не оказалось, но разжиться за счет «шурави» каждый был не прочь. И когда Рохлин стал помогать налаживать мирную жизнь, людям это понравилось. Кому-то передали дизель-электростанцию, кому-то карандаши и бумагу для обучения детей, кому-то подбросили продуктов, лекарства. А нашлись и такие, кто попросил оружия для защиты населения. В благодарность полк постепенно стал получать информацию о готовящихся нападениях на блокпосты. На эти направления сажали подразделения, усиленные минометчиками и гранатометчиками, устраивали инженерные заграждения, подступы минировали. В итоге соваться непрошеных гостей быстро отучили.

Первые успехи дали о себе знать. Просоветски настроенные афганцы набрали силу и стали сами вести боевые действия с кочующими бандами душманов. Опыт Рохлина политотдел начал распространять в других местах, а о молодом командире заговорили как о грамотном и толковом офицере. Более того, вскоре за проведение нескольких серьезных боевых операций 860-й мотострелковый полк был награжден переходящим знаменем Военного совета Туркестанского военного округа, а сам командир удостоен ордена Красной Звезды. Второго в его военной биографии.

Почивать на лаврах довелось немного. В июле 1983-го с должности командира полка Рохлин со скандалом был снят. И кем? Непосредственно руководителем Оперативной группы Министерства обороны СССР в ДРА Маршалом Советского Союза С. Соколовым. За боевые потери при выполнении разведывательной операции и… за хамство!

Об этом случае знают многие участники войны в Афганистане, не раз писали журналисты, поэтому восстановить хронологию событий не составляет труда. Причем вольную интерпретацию развития боевых действий, которая встречается в прессе, мы имеем возможность скорректировать личными воспоминаниями Рохлина.

А суть в следующем. По приказу командующего 40-й армии генерал-лейтенанта В. Ермакова фронтовая авиация нанесла бомбово-ракетный удар по ущелью Коран-о-Муджан, где, по сведению разведки, находилась банда душманов. Маршал Соколов, как часто бывало, вмешался в управление войсками и передал распоряжение командиру 860-го мотострелкового полка проверить результаты работы авиации. А то, что воинская часть в этот момент выполняла и другие задачи, старший начальник в учет не брал. Словом, все по-военному – вынь да положь!

Рохлин пытался по рации выйти на командующего армией, чтобы объяснить – люди разбросаны, топлива для техники нет, вертолеты поддержки по погодным условиям сидят на аэродромах, в таких условиях соваться в ущелье нельзя… Но кто может отменить приказ самого маршала?

Оставив за себя заместителя, комполка собрал для выполнения операции сводный батальон, который по численности далеко не дотягивал до штатной, слил все остатки имеющегося в части топлива в несколько боевых машин и с этим отрядом двинулся в ущелье. Уже в Коран-о-Муджане выяснилось, что авиация отбомбилась впустую. Рохлин сообщил эту информацию в штаб армии и развернул колонну в обратную сторону. На крутых склонах остатки дизтоплива скатились в заднюю часть баков, и боевые машины пехоты одна за другой начали глохнуть. В этот момент появились душманы и с фланга открыли плотный огонь.

Батальон отбивался как мог, пытаясь не только защитить себя, но и вытащить из-под огня боевые машины.

– Начальнику инженерной службы полка майору Зюзеву поставил задачу принять все меры для этого, – позже вспоминал Рохлин. – Говорю ему: «Выручай. Представлю к ордену Красного Знамени». А сам вижу – солдаты совсем растеряли боевой дух, прячутся в укрытия и сидят, как мыши. А я хожу и пинаю их ногами: «Вставайте, мать вашу, будете лежать, всех точно перестреляют!». В такой отчаянной ситуации я до этого никогда не был.

Бой шел несколько часов, и стало ясно – технику не спасти. Ее начали жечь из гранатометов, и проходы из ущелья закрылись. Рохлин, управляя боем, был ранен. С докладом, что машины обречены и надо выводить бойцов, к нему подполз майор Зюзев и тут же получил душманскую пулю в голову. Командир полка был в отчаянии, но самообладания не терял. Оценив безвыходность обстановки, принял тяжелое решение – подорвать оставшиеся БМП и отходить. В этом бою подразделение потеряло 12 человек.

Когда Рохлин доложил о результатах рейда, прямо указав, что под давлением приказа повел в ущелье сводный батальон неполного штата, без должного материально-технического обеспечения, без прикрытия авиации и приданных подразделений, в штабе армии это не понравилось. За погибших и сожженные БМП ответственности никто брать на себя не хотел. Началось расследование. Командира полка от должности отстранили. Тогда еще временно. Пошла проверка за проверкой. Каждый пытался обвинить Рохлина в некомпетентности и верхоглядстве, грозили трибуналом. А тут прилетел и маршал. Вызвал Рохлина и тоже спрашивает:

– Как все получилось?

Доведенный до белого каления, Рохлин ответил:

– Как приказали, так и получилось!

В одной из телепрограмм «Совершенно секретно» прямо было сказано, что Рохлин после этой неудачной операции, в которой погибли его солдаты, хотел застрелиться. Его остановили в последний момент и о попытке суицида доложили Соколову. Маршал расценил поступок как проявление малодушия. В результате Рохлина с должности сняли. Направили заместителем командира 191-го отдельного мотострелкового полка в Газни.

Спустя полгода в этой части произошло ЧП. Командир полка, попав в окружение, бросил солдат и один спасся на вертолете. Горе-командира отдали под суд, а через два месяца Рохлина вновь назначили командовать полком. Редчайший случай, но и командующий округом, и командующий армией, и даже маршал Соколов признали за Рохлиным право вернуть эту должность. Более того, подполковник Рохлин был награжден советским и афганским орденами Красного Знамени. Представлялся он и к званию Героя Советского Союза, но документы, как частенько случается с чрезмерно ретивыми офицерами, затерялись. Видимо, откровенный доклад о неудачах рейда в ущелье Коран-о-Муджан в штабах не забыли.

Позже, собирая материалы для публикации о генерале, сотрудник Комитета Госдумы по обороне и военный журналист Андрей Антипов найдет и опубликует письма военачальников, которые дали оценку командирским качествам Рохлина в период его пребывания на афганской земле.

Бывший командующий 40-й армией Герой Советского Союза генерал-полковник Борис Громов напишет: «Факт Вашего снятия с должности командира 860 омсп и последующее назначение командиром 191 омсп, как ни странно, скорее говорят в вашу пользу, так как в то время ошибки руководством признавались редко и болезненно.

Дальнейшее назначение командиром полка в Газни, который находился на отдельном оперативном направлении, говорит о том, что министр обороны более тщательно разобрался в сложившейся тогда ситуации и признал свою ошибку, восстановив вас в должности. Для любого военного человека это истина, которую никто даже не собирается оспаривать…

Хочу подтвердить, что все люди, с которыми я встречался и которые знали вас, отзывались о вашей деятельности в Афганистане только положительно».

Генерал армии Валентин Варенников по этому же поводу написал следующее: «Мне приходится только сожалеть, что некоторые газеты опираются в оценке военачальников на лиц, которые совершенно не имеют никакого представления о боевых действиях в Афганистане… Я могу только подтвердить ваши незаурядные способности как командира полка… 860-й отдельный мотострелковый полк – это особый полк, и не каждый мог им командовать. Он стоял на отдельном операционном направлении, и вы со своими задачами справлялись успешно. Необоснованные выводы, сделанные министром обороны СССР Д. Устиновым, вскоре были поправлены, как ошибочные.

И вы были назначены на отдельный 191-й полк…»

Дембельский аккорд

Вновь он командир полка, и вновь часть активно участвует в боевых действиях. О Рохлине и о его подчиненных по группировке войск идет слава – в неприступном Панджшере они окружили и уничтожили практически все руководство армии Ахмад Шаха Масуда. Разведка донесла: душманы перестали делать ошибки в произношении фамилии советского подполковника и объявили награду за его голову. До замены и отправки Рохлина в Союз остался месяц, и командование 40-й армии, чтобы оставить его в Туркестанском военном округе, сделало офицеру заманчивое предложение – идти заместителем командира дивизии в Кызыл-Арват. Лев не стал долго думать, согласился. Резон был – должность хорошая, открывающая новые перспективы. Все-таки он был карьеристом…

По неписаной традиции за месяц до замены офицеры, а зачастую и солдаты не участвовали в боевых операциях – передавали опыт молодым. Но война есть война. При подготовке Ургунской операции оказалось, что все командиры полков, кроме Рохлина, недавно прибыли и не имеют опыта боевых действий. Руководство попросило подполковника (не приказало, а именно попросило) повести людей на направление главного удара самому. Лев отказаться не мог. Ознакомившись с планом операции, он тут же увидел серьезные просчеты.

– Элемент внезапности отсутствовал, – позже рассказывал Рохлин. – Наши силы дробились на части, что их значительно ослабляло. Я предложил дать мне возможность пойти вперед, создав мощный передовой отряд. Операцию целесообразно было начать ночью, а не днем, как намечалось, и пройти по дороге как можно дальше. А с рассветом уйти на бездорожье. Причем двигаться при поддержке вертолетов. А два Ми-24 пустить впереди войск с задачей заблаговременного подавления противника.

Командование согласилось с планом, предложенным Рохлиным. В результате войска вышли к Ургунскому ущелью без потерь. Душманы не ожидали такого стремительного броска и не успели ничего предпринять.

Неожиданно авиационная разведка доложила о сосредоточении сил в соседнем ущелье, и Рохлин, согласовав свои действия с руководством операции, повел полк туда, где и натолкнулся на ожесточенное сопротивление.

– Оказалось, что мы вышли на стратегические склады душманов, где хранилось огромное количество боеприпасов и материальных средств, – вспоминал Лев Яковлевич. – Я не стал их атаковать, а ударил артиллерией. Что тут началось! Боеприпасы сдетонировали, и начался неконтролируемый подрыв арсеналов. Горы дрожали, зарево было такое, словно извергался вулкан. Ударную волну ощутили даже мы. Одного из солдат ранило. Но больше не пострадал никто. Более того, в соседних районах душманы стали сдаваться нашим солдатам. Оказывается, они знали, чей полк им противостоит.

Поручив заместителям выводить часть на постоянное место дислокации, Рохлин загрузил в вертолет раненых и вылетел с ними на базу. По дороге машина была обстреляна и рухнула на скалы. Традиция не участвовать в последней перед заменой операции родилась не случайно…

Разбившийся вертолет искали несколько дней. Когда обнаружили, выяснилось, что в нем выжили не все. Подполковника обнаружили без движения, но в сознании. Превозмогая неимоверную боль, Рохлин и здесь чувствовал себя командиром – продолжал руководить теми, кто не потерял способность двигаться.

Людей вывезли в медсанбат полка, потом в кабульский госпиталь. И только там врачи определили, что у Рохлина множественные ранения и сломан позвоночник. Отправили в Ташкент, где последовали одна за другой сложные операции. Очнувшись от наркоза, он спросил:

– Сколько вы еще меня здесь держать будете?

– Держать? Да мы тебя не держим, – удивился доктор. – Чуть подлечим и отправим домой. К жене и детям.

– Да мне назад надо, а не домой. У меня замена, дела следует передать.

– Нет, подполковник, о делах забудь, – покачал головой доктор. – Ты понимаешь, что у тебя позвоночник сломан? Ты – инвалид и инвалидом останешься на всю жизнь. Пока ты прикован к постели, а научишься ли сидеть, это еще большой вопрос…

Такого оборота событий Рохлин не ожидал. Поскрипел зубами, попенял на судьбу-индейку, но не раскис, валяться оставшуюся жизнь обездвиженным не собирался – это не для него. Хоть сразу умирай. Значит, выход только один – подниматься на ноги.

В этой череде тяжелых в моральном и физическом плане месяцев помощником и в прямом смысле слова опорой стала жена. Тамара устроилась в госпиталь санитаркой и постоянно находилась рядом. Вместе они переживали трагедию, вместе надеялись на благополучный исход, строили планы. И как только появилась возможность шевелиться, Лев стал мучить себя физическими упражнениями. Через силу, через крик израненного тела он упорно шел к цели. Ему надо было встать.

Его хотели комиссовать. После того, как увидели, что подполковник начал передвигаться самостоятельно, отправили в отпуск. Наплевав на предписания медиков, Рохлин спустя месяц двинулся в Кызыл-Арват. Как ни странно, место заместителя командира дивизии все это время оставалась вакантным. Командование округом проявило редкостное благородство – обещало должность и верило, что геройский подполковник птицей Феникс «восстанет из пепла». Действительно, вопреки прогнозам врачей он остался в армии.

Гарнизон Кызыл-Арват даже по туркестанским меркам тяжелый. У Рохлиных уже росли дочь Лена и восьмимесячный сын Игорь. Мальчик именно там заболеет энцефалитом. В критический момент его не смогли оперативно отправить в больницу, оказать квалифицированную медицинскую помощь… Это трагически отразится на всей последующей судьбе ребенка. Но только ли на его? Конечно, и на судьбе Тамары и Льва, на их взаимоотношениях. Рохлин всю жизнь будет чувствовать вину за то, что служба заслонила собой семью, отодвинув ее на второй план, поставив под удар будущее мальчика, которого он мечтал видеть своим последователем. Поняв позже, что ничего уже исправить нельзя, Рохлин с головой уходит в работу. Может быть, с еще большим остервенением, чем он делал это раньше.

И опять война…

Через два года Рохлина переводят в Азербайджан на такую же должность. Там он «тушит» межнациональный конфликт в Сумгаите. Люди военные не задавались вопросами, кто прав, кто виноват в этой кровавой бойне. Все – и азербайджанцы, и армяне – были советскими, а значит, своими. Как говорил Рохлин, «местное население». Ожесточенные, взявшиеся за оружие, но все равно свои. Поэтому мотострелковые и другие армейские части выступали скорее в роли миротворцев, силой разводя дерущихся. Пройдет время, и перед Рохлиным, уже генералом и председателем Комитета Госдумы по обороне, откроется истина, и он сможет объективно оценить скрытые рычаги начавшихся в Советском Союзе и там, в Закавказье, политических процессов разрушения большой страны.

Параллельно с Рохлиным в это время там, в Закавказье, находился и Виктор Илюхин – в последующем они станут большими друзьями. Илюхин работал в Сумгаите по заданию Генпрокуратуры, и когда станет известным в стране человеком, одним из самых уважаемых депутатов Государственной думы Российской Федерации, он оценит суть межнационального конфликта следующим образом:

«События в Сумгаите были спровоцированы армянами, когда с территории Армении стали изгоняться проживавшие там азербайджанцы. Было изгнано очень большое количество азербайджанцев. Их просто выбрасывали из домов, не позволяя даже взять с собой документы и вещи. Там действительно была проявлена колоссальная жестокость. И вот эти изгнанные из Армении азербайджанцы двинулись через горные перевалы к себе на родину, в Азербайджан. Так уж получилось, что они оказались на Апшероне, вокруг Сумгаита. Конфликт был выгоден армянским политическим авантюристам. Они разыграли «сумгаитскую карту» тогда, когда стали ставить вопрос отделения Карабаха от Азербайджана. Мол, нас притесняют и так далее. По сути дела, они разыграли большой спектакль на большой трагедии».

В эту трагедию оказался втянут и Рохлин со своей дивизией. Не думал он и не гадал, что Сумгаит для него – только начало цепи мелких и больших вооруженных конфликтов и кровопролитных войн на территории собственной страны, в которых ему предстояло участвовать. Когда его перевели служить на территорию Грузии, он сразу почувствовал, как говорится, в какую сторону дует ветер. И здесь националисты активно раскачивали политическую лодку республики, в лексиконе «местного населения» постоянно звучали такие новые понятия, как оппозиция, революция, контрреволюция, раздавались призывы к свободе. Но хуже всего было то, что начались нападения на военнослужащих с целью завладеть оружием. Поступали сигналы, что боевики военизированной националистической организации «Мхедриони», руководимые Джабой Иоселиани, готовят захват ряда военных городков. Было совершенно очевидно, что их руки тянулись к армейским арсеналам.

Военный журналист Андрей Антипов записал рассказ Льва Рохлина о тех событиях:

«Меня вызвал командующий военным округом генерал Валерий Патрикеев. Вопрос был один, что делать? Мне было предложено захватить штаб «Мхедриони» в Тбилиси. «Вы представляете, что будет, если пострадает хоть один гражданский человек?» – спрашиваю я. Ведь гарантий того, что этого не будет, никто дать не мог. Проводить боевую операцию в городе при таких условиях невозможно.

Рохлин предложил разгромить главную базу боевиков в так называемом Комсомольском городке на окраине Тбилиси. Этот городок был в свое время построен как оздоровительная база комсомольских работников, имевшая союзное значение.

Руководство «Мхедриони» не зря облюбовало ее для своих нужд. Пять благоустроенных жилых корпусов, столовая и спортивный комплекс создавали все условия для жизни и

подготовки боевиков. Здесь формировались вооруженные отряды. Отсюда они делали свои вылазки.

Командование округа утвердило этот план. Рохлин поручил своим разведчикам, возглавляемым подполковником Николаем Зеленько, собрать всю необходимую информацию о силах боевиков, о системе обороны базы.

Группы разведчиков стали выходить к городку, обследуя окрестности и пытаясь получить необходимые данные. Им приходилось действовать так, как на чужой территории. Это, похоже, и дало свой результат. Но растягивать процедуру было невозможно. Гарантии от утечки информации о намерении захватить базу никто дать не мог.

В ночь с 18 на 19 февраля 1991 года бронегруппы дивизии окружили городок. Несмотря на то, что операцию старались провести без стрельбы, сделать это не удалось.

Оглушенный разведчиками часовой пришел в сознание раньше, чем предполагалось, и начал орать не своим голосом. Бойцы «Мхедриони» попытались оказать сопротивление. Правда, было поздно. Городок был взят. Находившиеся в нем боевики арестованы. У Рохлина был ранен один человек – подполковник Зеленько.

Около тысячи машин, набитых боевиками «Мхедриони», в ту же ночь покинули Тбилиси. Их организации пришлось на время затаиться».

Когда я готовил эту книгу о Льве Рохлине, мне удалось встретиться с полковником запаса Николаем Зеленько. Вот что он рассказал о тех событиях:

«Мотострелковая дивизия, которой командовал в Тбилиси тогда еще полковник Рохлин, была учебной, а значит, постоянного состава было немного – курсанты служили по полгода, получали специальность и уходили в другие части округа. Когда я прибыл в соединение на должность начальника разведки, командир мне лично поставил задачу собрать лучших солдат, сержантов, офицеров и сформировать разведывательное подразделение. По его плану оно должно было выполнить любую реальную боевую задачу. И хотя, повторяю, дивизия была учебной, Рохлин предвидел, что, возможно, нам предстоит действовать против поднимавших в Грузии голову сепаратистов.

Два с половиной месяца я готовил разведывательный батальон в учебном центре – стреляли, штурмовали жилые дома, лазили по горам, осваивали рукопашный бой, альпинистскую подготовку, совершали марш-броски с полной выкладкой. Тяжелые бронежилеты и каски солдаты снимали только перед сном. Но и отдых их был недолгим – приезжал командир дивизии и поднимал нас по тревоге, ставил задачу и лично проверял, насколько готовы разведчики. За это время подразделение приобрело определенные навыки, мы отладили вопросы взаимодействия, получили физическую и морально-психологическую закалку. И поскольку солдаты и офицеры сами видели, что в Грузии обстановка серьезно накалена, в Тбилиси то и дело слышались выстрелы, боевики «Мхедриони» захватили много оружия и боевой техники, никого заставлять осваивать военную профессию было не надо.

В середине февраля Рохлин поставил мне задачу силами разведывательного подразделения, командиром которого был капитан Сливинский, захватить базу боевиков. Думали все сделать по-тихому, но жизнь внесла свои коррективы – завязался бой. Суворовская присказка, что тяжело в ученье – легко в бою, была еще раз подтверждена моими солдатами и офицерами. Сработали умело. Потерь у нас не было. А вот ранения получили два солдата и я сам – четыре пули попали в меня и пятнадцать в бронежилет…

Излечившись, я и комбат разведчиков поехали учиться в Военную академию имени Фрунзе. Лев Яковлевич Рохлин тоже был направлен на учебу. Все мы в одно время оказались в Москве, и связь между собой не теряли, дружили семьями».

Академия

Летом 1991 года Рохлин поступил в Академию Генерального штаба. Москва встретила генерала неласково. На занятия ему приходилось ездить в форме, и каждый «демократ» в общественном транспорте пытался самоутвердиться, выказывая пренебрежение к армии, «сидящей на шее народа». Лев Яковлевич скрежетал зубами, но в словесные баталии не ввязывался, считал это ниже собственного достоинства. К тому же личные проблемы ничего не стоили по сравнению с большой трагедией, которая произошла с великой страной. Советский Союз распался. Где теперь тот Аральск? Где Ташкент, с которым его так много связывало? Может быть, именно тогда в Рохлине впервые проснулось гражданское самосознание, которое вступало в противоречие с мировоззрением военного.

Как офицер и генерал, он учился науке побеждать. Рохлин умел это делать. Имел богатый опыт, обладал способностью мыслить и тактически, и стратегически. Умел обхитрить противника, ввести в заблуждение и выполнить боевую задачу не любой ценой, а с наименьшими потерями. Но все это не касалось политики. Верховный Главнокомандующий, он же Генеральный секретарь ЦК КПСС и президент СССР определял и утверждал Военную доктрину, в рамках которой жил, думал и действовал Рохлин. Но время и события перевернули сознание простого, но удачливого вояки. И когда от Союза, как от большого айсберга, отвалились-откололись бывшие советские республики, он ощутил боль, словно ему ампутировали часть тела. Первая мысль, которая пришла к нему, формулировалась однозначно – предательство!

– Когда я узнал, что Советского Союза не стало, – рассказывал мне Лев Яковлевич, – то подумал, что сейчас все люди выйдут на улицу и заставят Ельцина с Кравчуком и Шушкевичем вернуть все обратно. Не признают их Беловежского соглашения, и все тут. Или, в крайнем случае, Съезд Верховного Совета РСФСР не станет этот документ ратифицировать. А тут случилось самое страшное – тишина. Никто никуда не двинулся, а депутаты, за исключением шести или семи человек, проголосовали «за». Всем было на все наплевать. Вот до чего довели народ со своей перестройкой. Страна стала рассыпаться. И я понял, что на этом раскол не ограничится. Все пойдет по сценарию Грузии, Азербайджана, Армении или того хуже. Собственно, не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы предвидеть наше будущее. Так и получилось…

Вспоминает бывший начальник штаба московского военного округа генерал-полковник Виктор иванович Шеметов:

– В Академии Генерального штаба мы со Львом Яковлевичем учились в одно время, но на разных курсах. Он поступил на год раньше, но это не мешало нам тесно общаться. Тем более, что начальником этого замечательного учебного заведения был Игорь Николаевич Родионов, мы оба его неплохо знали, и он нас приглашал к себе в кабинет поговорить о ситуации в армии, да и вообще в стране. Тогда только-только развалился Советский Союз, и слушатели Академии, ее профессорско-преподавательский состав остро переживали за судьбу страны. Было странно, что многие наши бывшие сослуживцы оказались теперь подданными других государств, чье руководство не всегда однозначно относилось к внешней политике России. Многие боеспособные соединения, аэродромы, военные заводы отошли бывшим советским республикам, и боеготовность Вооруженных Сил нашей страны сильно пострадала. Как ее восстанавливать – для нас был самый насущный вопрос.

Рохлин выпустился и уехал в Волгоград. Через год я приехал туда по заданию ветеранов 62-й армии Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова, которая за героизм при обороне Сталинграда получила гвардейское звание и впоследствии стала именоваться

8-й гвардейской. Музей армии из Германии переправили на берега Волги, и надо было его восстанавливать. Рохлин был комендантом гарнизона, успел наладить связи с руководством города, и его помощь оказалась незаменимой. Но это было потом, в 1994 году, а в 1993-м мы прощались в Москве, и я провожал его в 8-й гвардейский армейский корпус, который впоследствии прославит себя в Грозном именно благодаря умелому командованию моего товарища – Льва Рохлина.

«Тревожный» корпус

8-й гвардейский армейский корпус – звучит гордо и весомо. Но мало кто знает, что до Рохлина это было самое посредственное соединение, полностью разложившееся в период массовой эвакуации из Германии. Предвидя отъезд из сытой Европы на Родину, которая военных совсем не ждала, командиры и политработники давно уже бросили заниматься боевой учебой, сосредоточившись на закупке редких для советской России товаров – ковров, видеомагнитофонов, сервизов, кроссовок и джинсов. Отправив семьи и забитые барахлом контейнеры в Россию, офицеры с личным составом и техникой на нескольких железнодорожных эшелонах в феврале 1993 года прибыли на станцию Прудбой Калачевского района Волгоградской области. Корпус, представлявший из себя не более чем кадрированную дивизию, расквартировали в гарнизоне Красные Казармы, построенные еще до революции семнадцатого года. А спустя четыре месяца командование дезорганизованной группой полков и отдельных батальонов, структурно объединенных в армейский корпус, принял генерал-майор Лев Рохлин.

Корпус первоначально разместился на военном полигоне Прудбой, находящемся рядом с одноименной станцией. Свидетели говорят, что по сути корпус был лишь бригадой, состоящей из двух полков и нескольких служб: медицинской, разведки, артиллерийской. Каждый полк имел в наличии лишь по одному боеспособному батальону. Нехватку личного состава в имеющихся частях планировалось комплектовать за счет резервистов. К тому же фактически с нуля требовалось развернуть 20-ю дивизию. При таком аховом положении у любого командира опустятся руки. Рохлина же такая ситуация заставила предельно мобилизоваться самому и максимально напрячь всех подчиненных.

Своим заместителям он поставил задачу укомплектовать части техникой и личным составом, а тех командиров подразделений, которые имели хоть какое-то штатное наполнение, заставил день и ночь заниматься учебой. Причем сам лично чуть ли не каждый день поднимал то одних, то других по тревоге и требовал выводить боевые машины из парков, совершать многокилометровые марши, стрелять, отрабатывать нормативы. Служаки, раздобревшие на баварском пиве, взвыли от такой службы и за глаза называли Рохлина самодуром, а свое соединение – тревожным корпусом самодура.

– На кой черт нам такая учеба, если семьи брошены, квартир нет, казармы не отремонтированы, офицеров в батальонах раз-два и обчелся, – плевались они. – Рохлин на нашем горбу себе очередную звезду зарабатывает!

О том, как его поносят подчиненные, генерал знал, но это его мало волновало. Годы службы в «горячих» точках закалили не только его характер, но и притупили чувствительность к оценке его действий со стороны. Много раз Рохлин слышал нелицеприятное в свой адрес от сослуживцев, не способных выйти на показатели подразделений и частей, которыми он командовал. Не раз на него сваливали собственные неудачи и старшие начальники, снимали с должностей, устраивали показательные разносы. Судьба корежила его тело, ломала высокие принципы, с головой окунала в кровь и грязь. А тут за спиной не выстрел, не взрыв, не потеря близких и боевых товарищей – за спиной злая молва и неприличное прозвище, в которое вплетаются не только нелюбовь и желание унизить, но и страх перед неотвратимым приказом, который не выполнить нельзя. Иначе последует расплата – генерал был крут и непреклонен.

Полтора года он ломал людей на свой лад. Со временем многие осознали, что при новом комкоре по-другому просто не будет. Германия и прошлый командир вспоминались в сладком тумане, как жизнь на облаке Рай, а здесь, в Волгоградской области, при Рохлине, людей словно настигло наказание за то, что они забыли, куда пришли служить. В армию.

Учиться воевать. Выживать. И побеждать. Кто это вдруг понял, кому открылась истина, тот стал смотреть на генерала другими глазами. С осознанием цели, с пониманием задачи. Приняв идею командира корпуса, как свою, офицеры стали работать с личным составом, готовить технику, обучать специалистов действовать, как следует, а не по принципу: прошел день, и ладно.

В итоге офицеры в корпусе неожиданно разделились на «карьеристов» и «неудачников». Те, кто, забыв о семье, дневал и ночевал в подразделении, сам рвался на полигон, как на праздник, начали показывать высокие результаты и получать повышения. В должности, в звании. И тут же молва их окрестила «карьеристами». Кто у Рохлина «неудачник» – тоже понятно. Кто не нашел в себе силы сориентироваться на службу, а искал причины своих ошибок и просчетов подчиненных в придирках командира. Вот у этой категории служба шла особенно трудно, потому как поговорку «Не можешь – научим, не хочешь – заставим» в армии никто не отменял.

Рохлин ломал не только людей. Он под себя кроил структуру корпуса. Нет, дивизия, полки и батальоны, бесспорно, оставались, но штатное расписание он изменил, исходя из собственного опыта.

«В Афганистане, а потом в Закавказье я не раз убеждался, что командир без разведки и слеп, и глух, – рассказывал Лев Яковлевич радиослушателям «Народного радио» накануне 23 февраля 1998 года. – Оттого еще в Волгограде укомплектовал отдельный разведывательный батальон фактически двойным штатом. Подобрал туда толковых офицеров и позволил им собрать людей из мотострелковых частей на свое усмотрение. Мне доходили жалобы от командиров, что разведчики выгребли самых толковых солдат и сержантов. Но я на это намеренно закрыл глаза. Зато в гарнизоне они у меня были редкими гостями. И жили, и учились на полигоне. Потом в Чечне этот батальон сыграл в Грозном чуть ли не самую главную роль. Он постоянно был на острие наступления и действовал исключительно толково и эффективно».

Этому выступлению Рохлина требуется некоторое пояснение его бывшего подчиненного Николая Зеленько, которого генерал «вытащил» после учебы в Академии в Волгоград. Сам Рохлин уже год, как командовал корпусом, и ждал, когда можно будет забрать хорошо показавшего себя в Тбилиси офицера-разведчика. На месте он поставил ему точно такую же задачу – на базе 20-й дивизии развернуть усиленный разведывательный батальон.

– Когда я пересчитал людей батальона, выяснилось, что Рохлина год, как обманывают, – вспоминает бывший начальник разведки корпуса полковник Николай Васильевич Зеленько. – Семьдесят человек находятся в постоянном отрыве от подразделения на работах. Я неделю их собирал по всей области. Комбата Рохлин снял, а я занялся подготовкой разведчиков по «закавказской» методике. И когда пошли в Чечню, я был уверен, что батальон будет на высоте. К сожалению, у станицы Петропавловская меня ранило и штурмовать Грозный мне не довелось.

Вот, что еще говорил Рохлин на той радиопередаче по поводу подготовки частей своего корпуса:

«…Еще я не давал «скучать» в Волгограде артиллеристам. На меня они обижались, мол, офицеры забыли, как жены выглядят, сколько у них дома ребятишек. Но Чечня меня перед ними оправдала. Артиллеристы накрывали цели с первого залпа, побили много врагов. Много спасли и наших солдат, и «эмвэдэшников», которые частенько попадали в трудное положение.

У танкистов были нештатные упражнения. Кроме обычного слаживания экипажей, взводов и рот, обучения выполнять тактические нормативы, стрелять и водить, я ввел огневую подготовку из боевых машин по принципу карусели. Это практиковалось в годы Великой Отечественной войны при бое в городе, когда два-три танка попеременно стреляли с

одной огневой позиции. Расстреляв боезапас, машина отползала в сторону под загрузку снарядов, а на ее место тут же вставала следующая. В итоге огонь велся постоянно, и противник не мог воспользоваться нашей передышкой для перестроения или организации ответного удара.

В результате, когда 1 декабря 1994 года корпусу поступил приказ принять участие в разоружении в Чеченской Республике незаконных вооруженных формирований, я знал, что мои части вполне управляемы, солдаты обучены, техника подготовлена и исправна.

Сам я мог в Чечню не идти. Командующий войсками округа сказал, что я могу послать любого из подчиненных мне трех генералов. Но что бы тогда обо мне думали: в мирное время выжимал из нас соки, требовал, чтобы к войне готовились, а сейчас с нами не пошел? Я знал, что спасу жизни многих людей. Так и получилось».

Рохлин опирался на свой боевой опыт и был одним из немногих, кто им в 8-м гвардейском армейском корпусе обладал. Но на уровне высокого командного состава он был единственным участников войны в Афганистане, в чьем подчинении была часть, тем более такая, какой являлся развернутый и усиленный, действующий на самостоятельном направлении 860-й отдельный мотострелковый полк. Поэтому генерал рассчитывал, и не без оснований, только на себя. На себя и на тех людей, которых самолично готовил к боевым действиям.

А то, что предстоит война нешуточная, Рохлин догадывался. К тому моменту, когда «тревожный корпус» получил приказ на передислокацию, Чеченская Республика уже была взбудоражена кровопролитными столкновениями действующей власти с подразделениями так называемого Временного совета и сторонниками Умара Авторханова. Причем в октябре 1994 года 120 оппозиционеров Временного совета прошли подготовку на том самом полигоне «Прудбой» 8-го Волгоградского армейского корпуса. Вот именно они вместе с наспех набранными в гвардейской Кантемировской дивизии танкистами пытались штурмом взять Грозный. В город вошли почти без выстрелов, но уже в центре подверглись атаке «абхазского батальона» Шамиля Басаева. Машины были сожжены, часть офицеров погибла, часть попала в плен.

Телевидение день и ночь крутило душераздирающие кадры с подбитыми танками и закопченными лицами раненых и плененных российских военнослужащих. Дудаев злорадствовал и угрожал Москве. Ельцин с налившимся кровью лицом обещал восстановить в республике конституционный порядок. Истерзанная перестройкой и разоренная усилиями власти армия спешно собирала способные к боевым действиям части. Их оказалось крайне мало – боевая учеба почти повсеместно не велась. Корпус Рохлина, не укомплектованный, со всех сторон обрезанный, представлял собой более или менее годное для войны соединение.

Позже газеты писали: «…В состав группировки «Северо-Восток» в ночь на 1 января 1995 года входили части 8 гв. АК под командованием генерала Рохлина: 255-й мотострелковый полк, сводный отряд 33-го мотострелкового полка и 68-й отдельный разведывательный батальон, всего: 2200 человек, 7 танков, 125 БМП и БТР, 25 орудий и минометов…» В сущности, это был всего лишь один штатный мотострелковый полк, усиленный двумя батальонами и ротой танков. Очень важно принять во внимание его состав, потому что в армейском корпусе в пятнадцать раз больше личного состава, орудий и бронетехники. С этим Рохлин пошел на войну…

Я мог бы поведать, как воевал корпус Рохлина в Чечне, но буду откровенен – меня там не было, и информацию я, как многие, черпал из газет, журналов, рассказов участников событий. Можно было бы взять выдержку из повествования журналиста Андрея Антипова, который восстанавливал хронологию тех страшных событий со слов генерала и записям в Боевых журналах. Но мне повезло, и я нашел интервью самого генерала, которое он дал за полгода до собственной гибели известному тележурналисту Алексею Борзенко. Лев Яковлевич хорошо осознавал, что работает «в стол», на потом, поэтому и говорил как бы в теле-

графном стиле, тезисно, что ли… И действительно, при жизни военачальника и оппозиционного депутата, это интервью по понятным причинам в эфир не попало. Да и потом, покуда «царствовал» Ельцин, появиться в эфире оно не могло. Спустя годы его все-таки пустили, но не на центральный канал, да и время трансляции было позднее, когда люди уже отдыхают. Поэтому будет правильным, если читатель ознакомится с этим повествованием полностью, без купюр, без литературной правки, как с исповедью человека, который знал правду войны и хотел ее нам открыть без прикрас. Он понимал: перед историей, как и перед Богом, говорить нужно только правду.

Исповедь русского генерала. Февраль 1998 г.

– Я, находясь в войсках, будучи командиром, все сосредоточивал на боевой подготовке, а жизнь заставила к тому же и воевать. И когда пришел с Академии Генерального штаба в Волгоградский корпус, увидел развал. Боевой подготовки не существует никакой, на полигоне давным-давно не стреляли и, словом-то, не слышали о боевой подготовке. И вдруг приходит самодур, который выгнал всех в поле, который и день и ночь заставляет стрелять, водить, поднимает по тревоге, который проводит учения, снимает с должностей за то, что техника вовремя не вышла. И когда случилось решение воевать, точнее, идти в сторону Чечни, для меня не было новостью, что это все будет очень серьезно.

Первый раз мы обманули, когда рассчитывали, что пойдем через Хасавюрт, и все знали, что нас пошлют на Хасавюрт. Мы подготовили карты, послали майора, который объехал все милицейские участки чеченцев, дагестанцев, советуясь и прося помощи, мол, пойдет наша колонна, вы, пожалуйста, помогите. На этой карте были нарисованы позиции, он чеченцев спрашивал, правильно ли нарисовано, все ли так? Ни у кого не было сомнения. Я пригласил руководителя администрации города и района Кизлярского. Посидели, как следует, выпили, тоже попросил у него помощи, чтобы он помог мне провести колонну. А пошли в сторону. Ночь, никто не ожидал. Перекрыли дорогу разведчики на двух участках, чтобы ни одна машина не могла пройти, сказать, что идет колонна. По бездорожью, через пустыню, сделав огромный крюк, вышли, и никто из чеченцев не мог предположить, что мы идем.

Выходит на меня Куликов: «Лев Яковлевич, помоги!». – «Дайте точные координаты, куда вести огонь артиллерии». Мне дают координаты, и я на карте начинаю разбираться. Смотрю, дают координаты прямо в центр полка, то есть нанести огонь по 81-му полку… Я связываюсь с Куликовым, очень плохо слышно, говорю: «Куда бить?». Он мне: «Я тебя прошу, разберитесь сами!». Тогда я отвожу огонь на километр, связываюсь с полком напрямую, и мы наносим предупредительный выстрел по атакующим чеченцам. От радости 81-й полк «зашелестел», туда, говорит, еще столько же, и побольше, и побыстрее… Мы нанесли несколько огневых ударов, атака захлебнулась, все атакующие разбежались и на этом спасение 81-го полка закончилось. Встречали они нас, как героев.

Но тут же подъезжает комендант Надтеречного района и спрашивает: «Это война?». «Да нет, – говорю, – мы не желаем войны, но задачу должны выполнить». Он говорит: «Нет, мы не пропустим, ляжем сами, положим женщин, детей…». Я говорю: «Вы знаете, я воевал в Афганистане…». Он машет рукой. «Там такие необразованные, эти афганцы, такие грязные… Только, – говорю, – у них отличие одно от цивилизованных чеченцев – они впереди себя женщин и детей не пускали». Ну тут у него физиономия вытянулась…

Я вышел в район Толстой-Юрта, но не в само селение, а слева. Между двух хребтов срочно начали занимать оборону, окапываться, расположили артиллерию, начали завозить материальные средства и готовиться к самому худшему. Уже стало известно, что пошли пограничники по моему маршруту, от которого я отказался, на Хасавюрт, и около 80 человек взяли в плен. Уже шла информация, что в Назрани разгромили колонну, что установка «Град» расстреляла второй раз колонну. И то, что наша группа сумела выйти, нависнуть над

городом, занять исключительно удобные позиции, пристрелять артиллерию и своей диспозицией заранее обеспечить себе успех, это было воспринято чрезвычайно радостно руководством. Эйфория была довольно большая. Все считали, что взятие Грозного – это мелочь, это факт почти свершенный, и что тут нет никаких проблем.

А до этого мною была проведена операция. Чрезвычайно важно было вывести Восточную группировку в район Аргуна. А реку нигде не перейти. Заболоченность, берега крутые, возможности никакой. Я готовлю операцию по захвату моста у селения Петропавловская. Ночью, в тишине, без радиообмена разведчики проползают несколько километров. Чеченцы понимали важность – около 300 человек наемников находились на мосту. Моих поползло 80 человек. И к утру они этот мост захватывают. Мост подготовлен к взрыву, снимают с него все, но на них обрушивается величайший град ударов. Мы подтягиваем танки, артиллерию, пытаемся подавить сопротивление там, откуда оно идет. Вовсю палят с мечети. Разнести ее мне не составляло труда, но я прекрасно представлял, какой шум пошел бы в мусульманском мире, что я расстрелял мечеть. Я ставлю задачу снайперам, пулеметчикам и небольшому отряду прекратить сопротивление и заглушить огонь.

Но ситуация складывалась такая – впервые разведчики понесли потери, это был для них практически первый бой. И наступила просто деморализация. Сбились в кучу, прячутся за технику, никуда не хотят идти. Тогда мне пришлось в полный рост встать на бруствер, разгонять ребят литературными словами, показывать пример на себе. Это была первая операция, где мы все же понесли потери. Мост и захваченная дорога сыграли чрезвычайно важную роль.

Неожиданно для меня было принято решение наступать 31 декабря. В то время я не знал, что первого числа день рождения у министра, 1 января, и других тонкостей. Мне говорят: «Прорвись в центр, захвати дворец, а мы к тебе подойдем». Я на это ответил: «Разве вы не слышали по телевизору, как министр обороны Грачев заявил, что на танках город атаковать нельзя?». С меня этот вопрос сняли. Тогда я второй раз спрашиваю: «Какая все же моя задача?». – «Ладно, ты находишься в резерве, обеспечь левый фланг основной группировке Северной, иди по таким-то улицам».

Мы очень тщательно продумали и подготовили решение. Мы знали, что нас ждут вдоль асфальтовой дороги, ведущей в Грозный. И знали, что там подготовили. Нам передали из оппозиции информацию, что две бензоколонки, рядом с дорогой, подготовлены к взрыву. Что огромное количество заготовлено на всех участках гранат, в том числе бутылки с зажигательной смесью. Что такое-то количество техники. А кроме всего прочего подготовлены засады на русском кладбище. При этом высказывалось предположение, что раз я не тронул мечеть, наверняка не трону свое кладбище.

Я сделал следующим образом. Ставлю командиру 33-го полка, там, по сути, сводный батальон, задачу: захватить переправу через речку по тому шоссе, где меня ждали, начать развертывать мосты, готовить переправу, вести бой, готовить плацдарм. Командир полка подполковник Верещагин не знал, что эта задача – ложная. Я даже и ему не сказал. Он захватил эту переправу, начал наводить мосты, вел постоянный бой. А мы с разведчиками разведали маршрут по бездорожью, через каналы, рядом с аэродромом Северный, по мосту неприметному, и пошли по бездорожью. Как только колонна главных сил вышла, я оттянул Верещагина, вывел его в резерв. Оставив чеченцев в надежде, что мы все же туда пойдем.

…Расчертили огромную схему. Улицы и прилегающие к ним улицы, где каждый дом был абсолютно ясно виден. И каждой единице техники, которая должна блокировать вместе с личным составом, находящимся на ней, тот или иной перекресток, написали улицу, фамилию командира взвода, экипажа, номер дома, задачу. Каждый боец, каждый водитель, каждый лейтенант и сержант точно знали свою задачу. Когда мы захватили консервный завод, то остатки тыла оставили там, а вперед пошла только техника боевая, и, двигаясь, через каждые

50 метров до очередного перекрестка оставляли технику. Мы шли, и на главном направлении техники оставалось все меньше.

Наш прорыв позволил и Северной группировке прорваться, и она пошла по улицам. И мы по рации услышали исключительно радостные доклады. О том, что прорвались, что без сопротивления всякого идем, о том, что уже вышли почти к Дворцу. А мы, ввиду того, что расставляли технику, а не просто мчались, двигались медленнее. Тут же мне: «А ты что стоишь, чего отстаешь?». Я говорю: «Я задачу выполнил». – «Нет, ты иди вперед!».

Потом мне передают слова министра обороны Грачева: «Что этот хваленый афганец, чего он отстает?..». В общем, эйфория и радость великая. Мы вынуждены были продвинуться вперед к городской больнице, чтобы фланг левый был прикрыт, и заняли ее в сумерках. Вот в сумерках и началось то несчастье, о котором узнают все.

Ну, во-первых, 131-я бригада не имела задачи. Она находилась в резерве. Ей ставят задачу без тщательно продуманного решения: по параллельному маршруту выйти и захватить вокзал. И она помчалась. Справа не от нас, а от Северной группировки. Рядом к нам примыкал 81-й полк. Если мы оставили минимум техники, оставили все тылы, и чем дальше шли, тем меньше было техники, и дорога оставалась свободной, давая возможность маневра. Ввиду того, что у главной группировки Северных не была толково поставлена задача, ни слева, ни справа, то они полностью абсолютно забили улицу. Возможности выехать, развернуться не существовало никакой. Я потом узнал.

В очень тяжелой ситуации оказался Пуликовский. До последнего дня не зная, что будет командовать, конечно, с такой тщательностью решения принять не мог. Кто давал команду? Ну, Пуликовский говорит, что не он. Отправить 131-ю бригаду в обход, захватить железнодорожный вокзал… Этого я не знаю. Это надо спросить у них. Конечно, я предполагаю, но говорить бездоказательно не могу.

И дальше события развивались так. Ночь. Чеченцы, заняв все высотные дома вдоль маршрутов 81-го полка, в упор начали расстреливать технику сперва в голове и в хвосте, затем в середине и выборочно все остальное. Как мне рассказывали потом, гранаты подвешивали на парашютики от сигнальных ракет с тем расчетом, чтобы она взорвалась сверху и могла поразить как можно большую площадь. По сути дела, всю ночь шло уничтожение колонн 81-го полка. Помочь ему в той неразберихе, которая существовала в течение ночи, я не мог.

Западная группировка так и не вошла в город. Восточная группировка сбилась с маршрута, понесла потери и вынуждена была отойти. Северная группировка за исключением разбитых 131-й бригады и 81-го полка откатилась назад. Я остался. Наш сводный полк – чуть более 1000 человек, а если учесть, сколько стало на блокирование, то впереди было всего не более 400 человек – оказался один в городе. Притом чеченцы прекрасно понимали, что за заноза у них там…

За Дворец Дудаева не шло никаких боев. Ситуация была иная. То направление, откуда мы действовали, и оказалось главным, было исключительно подготовлено. И шло жесточайшее сопротивление. Первой нашей победой после того, как мы чуть-чуть отряхнулись, был ночной захват высотного здания института. Шестнадцатиэтажка. Как только мы захватили это здание, то сразу лишили возможности дудаевцев вести прицельный огонь, в том числе снайперов, вести корректировку огня артиллерии. Я принял решение – на нижних этажах расположил войска МВД. Вверху под командованием исключительно отважного человека, начальника ПВО корпуса полковника Павловского, создал огневую группу.

А дальше события развертывались следующим образом. Исключительную ценность представлял разведбат, тот, который, как я говорил, двойного штата, и день и ночь занимавшийся боевой подготовкой. Он действовал особым способом. Противник был очень слаб в ночных действиях, они не были организованы командирами общевойсковыми, которые бы

могли руководить их боем. Это были отдельные высоко подготовленные профессионалы, наемники, побывавшие в войнах, но оказать какое-либо сопротивление тщательно продуманным военным действиям, особенно ночью, они не были способны. И разведбат, проползая ночью в то или иное здание, если встречал сопротивление, действовал на уничтожение, если сопротивления не было, подтягивались наши подразделения.

Здание Совета министров было исключительно выгодным опорным пунктом: во-первых, там были очень толстые стены, во-вторых, он нависал над мостом, через который шла помощь во Дворец, и, в третьих, он был почти главной завершающей точкой для захвата Дворца. Это понимали и дудаевцы, и прекрасно понимали мы. Поэтому с утра на него начались сильнейшие атаки, удары артиллерии, танков. Первое несчастье, которое постигло нас, – это обрушилась стена и завалила группу солдат. Второе несчастье – летчики кинули бомбы. Я в категорической форме отказывался от ударов авиации. По какой причине? Да по той причине, что безопасное удаление от разрыва авиабомб – 1100 метров. А у нас до Дворца оставалось 200. И мои опасения подтвердились. Одна из бомб промахнулась и ударила в здание Совета министров. И мы понесли вторые большие потери в этом здании Совета министров. Для того, чтобы можно было покончить с Дворцом, необходимо было занять гостиницу «Кавказ». И я поставил задачу командиру разведбата выдвинуться ночью и захватить эту гостиницу.

Хотя захватить было невозможно, слишком малые были силы, но попытаться… И вдруг связь с разведбатом пропала. То ли их уничтожили, то ли еще что-то, для меня это была очень тяжелая ситуация – сердце сжато. И хотя это называлось разведбатом, но там было не более роты. Больные, раненые, понесшие потери, батальон, не выходящий из боевых действий, небольшая рота, человек 40, не более. И вдруг полушепотом до меня прорывается писк, что они живы, кончились батареи. Где, какое место? Они говорят, пусть замкомандира 265-го полка, он знает место, там, где мы были, оставит там батареи. Вылезли, оставили батареи, разведчики прислали группу, взяли батареи, и разведбат опять ожил. И когда дошла очередь до Дворца, у меня состоялся разговор с Масхадовым. Я говорю: «Ты понимаешь, что тебе конец? Смотри, я тебе как командиру говорю, я перекрыл тебе все. Мы почти соединились с Западом. «Кавказ» и Совмин в моих руках, мост перекрыт. Осталось 100 метров. На юге сосед перекроет, и ты не уйдешь. Не уйдет ни один». Он в истерике разорался. Говорю: «У тебя нет боеприпасов». – «У меня все есть…». – «Я же слушаю твои разговоры, и знаю, какая у тебя ситуация».

Утром должен быть штурм Дворца. Мне сверху предлагают: «Давай нанесем авиационный удар». Говорю: «Вы уже один раз нанесли, хватит!» – «Тогда давай расстреляем из танков». Я говорю: «Вы представляете что предлагаете? Я стреляю по той половине, а те по мне». – «Что ты предлагаешь?» – «Отдайте, – говорю, – мне. Я дворец возьму разведчиками». Я послал туда и впрямь разведчиков. Во Дворце были один или пара снайперов типа камикадзе – их снесли «Шилки». И Дворец взяли без боя.

Решался вопрос, кому повесить флаг? Но ввиду того, что там был рядом командир 625-го полка, я ему говорю: кого направишь, те пусть и вешают. Все это закончилось довольно прозаически. За исключением единственного – у нас были проблемы с флагом. Мы приготовили флаг, послали, а его затеряли. Начали искать другой. И это только около двух часов у нас шла ситуация – где взять флаг, чтобы повесить?

В ходе этих боевых действий был перехват переговоров, в том числе Басаева. Мы его задавили огнем, не давая пошевелиться. Он был где-то возле исторического музея. И мы перехватываем разговор, что море раненых, море убитых, и что, по всей видимости, это первый их бой, где они проиграли. Ну, мы не стали разъяснять им, что будет и второй, и третий. Так потом и получилось. Но эпопея с захватом Дворца закончилась примерно вот так.

Несколько по-иному было освобождение города. Они отошли и объявили, что второй их рубеж за Сунжей – Минутка. Здесь что интересно. Я сымитировал, что будто бы поведу наступление на Минутку. Дошли до трампарка, захватили рубеж. А я принял решение: ни в коем случае не допуская потери своих, имитируя, что мы постоянно готовимся идти вперед, заставить их вытянуть все свои силы, пытаться сопротивляться и просто все эти силы перемолоть. Когда мы, по сути дела, измотали их, то в ночь пошли на захват Минутки. И не потеряли ни одного человека. Позиции были взяты без потерь.

По сути этим закончилась эпопея Грозного. Они Грозный сдали.

На момент, когда мой сводный отряд остался в центре города один, вокруг него и во Дворце было около 6000 тысяч человек. Если считать, что у меня на переднем крае находилось около 600, а в общей сложности – около тысячи, то было десятикратное превосходство над нами. И мне больно, что, когда Грозный был в наших руках, когда уже было наше превосходство, когда были созданы базовые опорные пункты, Грозный сдали ни за что. Это говорит, что мало иметь войска, мало иметь захваченный город, а нужна еще голова удержать его. Предательство армии было со всех сторон, по всем направлениям. Я не испытал на себе этого со стороны СМИ. Со средствами массовой информации я общался абсолютно открыто, ничего не прятал, давал возможность побывать в любом уголке моих воинских частей. Но то, что после моего ухода из Грозного начались исключительные нападки на армию, что мы не знаем ни одного солдата-героя, а их очень много, которые погибли, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего, это прискорбно.

Самым было бы верным вообще не проводить военной операции. Без сомнения. Но если уж случилось так, что дело дошло до войны, начинать войну при том положении дел, которое существовало, было невозможно.

Первое – не существовало никакой разведки. Мы не знали истинного положения. Вот у нас и ГРУ есть, и СВР есть, и КГБ есть, но все они до такой степени были разрушены, что Россия не знала истинного положения дел в Чечне.

Второе. Армия была уничтожена. Годами в полках было по 5 – 10 человек. И офицеры занимались разгрузкой вагонов, службой в карауле, охраной складов. Армия была крайне унижена. То есть армия была неспособна выполнять какие-либо задачи.

Третье. Операция не готовилась. Все шло спонтанно. Давай выведем на границу Чечни, авось испугаются. Давай выведем к Грозному, авось напугаем. Вывели к Грозному, а что делать дальше? Давай наступать. Когда? Да завтра день рождения у министра, давай мы ему сделаем подарок. И то, что решения были приняты бестолково, непродуманно, и говорит гибель 81-го полка и 131-й бригады. То есть на авось, на дурака, тяп-ляп… Все это, конечно, тяп-ляп и кончилось.

Уничтожение Дудаева – это единственная удачная операция наших спецслужб.

Спрашивают, за что солдаты воевали в 94 – 96-е годы? Мое мнение – за интересы мафии. С Дудаевым можно было договориться без проблем. Предложить ему те же условия, как и Татарстану в то время, и, вне всякого сомнения, войны не было бы. А Чечня была бы одним из преданных вассалов России. До последнего момента через Чечню лилась нефть, а нам объясняли, что нельзя остановить поток, иначе качалки пересохнут. Прекратили, не пересохли, и можно, оказывается, решать все вопросы. Через Чечню прогонялось огромное количество нефти якобы на нужды суверенной республики, а потом она расползалась за границу и получались огромные деньги. Называют цифры и в 5 миллиардов долларов на тот срок, пока был Дудаев. Дудаев окреп, ему надоело делиться. И то, что надоело делиться, это и явилось одним из главных мотивов. А дальше продолжалось постоянное предательство. И жизнь солдат, жизнь мирных жителей была разменной монетой тех огромных взяток и денег, которые получались.

Возможно, не прав Лебедь, но он обвинил Березовского в том, что тот его упрекнул, мол, зачем ты прекратил боевые действия, мы так могли бы там еще поработать и поднажиться на этой войне. Поэтому повторяю – кровь была пролита за мафию.

Армия сейчас такова, что в ней служат только изгои, которые не могут откупиться или поступить в высшее учебное заведение. В войне в Чечне не воевал ни один сын руководителя из аппарата президента. Ни одного сына более-менее высокого клерка из правительства.

О роли министра обороны Павла Грачева.

Первое. Грачев довел армию до такого состояния, что она была не готова и не способна к выполнению задач.

Второе. В его распоряжении – ГРУ и другие виды разведок, а он не добился знания истинного положения дел.

Третье. При его попустительстве была осуществлена передача техники Чечне, а офицеры Кантемировской дивизии приняли участие в перевороте на стороне оппозиции Дудаева. При полном нарушении Конституции и закона. Он, не имея в полной мере данных, принимает решение, которое привело к краху. Он активно не участвует в осуществлении этого решения – запил, будем говорить. Он принимает решение собрать неподготовленных пацанов с кораблей в полки, и необученные полки посылает в бой, заваливая пушечным мясом чеченские поселки. Бросил их на смерть. При нем продолжали отправлять вот это пушечное мясо даже после того, как появилась возможность осуществлять доподготовку молодых солдат перед отправкой в Чечню. При нем отсутствовало какое-либо управление боевыми действия в Чечне. Оно велось на крайне низком уровне.

Необходимо срочно изменить положение дел в экономике страны. Это самое главное. Срочно изменить отношение к армии, иметь боеготовые части сил общего назначения. И конечно, не для того, чтобы в очередной раз идти на войну в Чечню, а для того, чтобы все поняли и видели, что решить вопрос военным путем невозможно, но решать эти проблемы экономическими, политическими и национальными рычагами.

P.S. к «Исповеди русского генерала»:

Я много раз смотрел и слушал запись воспоминаний Рохлина о войне в Чечне. Вспоминал, как перед штурмом 31 декабря генерал позвонил жене и только успел сказать «Молитесь за нас!», и тут связь прервалась. Я уже знал, что из 2200 волгоградцев, участвовавших с ним в «разоружении незаконных вооруженных формирований», 1928 солдат и офицеров командиром корпуса были представлены к наградам, но лишь половина получила их. Сам Рохлин от награды Героя России отказался, заявив: «В гражданской войне полководцы не могут снискать славу. Война в Чечне – не слава России, а ее беда». Зато шесть человек из 8-го гвардейского корпуса получат Золотые Звезды. Я знал и то, что съехавшиеся в Волгоград отцы и матери оставшихся в живых подчиненных Рохлина будут встречать эшелоны, стоя на коленях, благодарить Бога, что их детям достался такой командир. Когда в ту страшную новогоднюю ночь «сгорали» полки и бригады, за два дня боев в городе потери корпуса составили 12 убитых и 58 раненых.

Позже я узнаю, как генералы из разведуправления Министерства обороны в личной беседе выскажут упрек: что же ты, Лева, воевал в Грозном одним разведбатом, лучших людей бросал под огонь. И комкор ответит, что еще в Волгограде именно разведбат он готовил к ведению боевых действий в городе, и тот действительно был лучшим из всех подразделений, полностью соответствуя сложности задач и неся минимальные потери только потому, что умел воевать. Разведбат был обозлен за погибших товарищей в районе Аргуна, стыдился слабости, проявленной после штурма моста, и готов был лезть к черту на рога, чтобы генерал забыл, как ему пришлось под пулями вставать в полный рост, чтобы люди «немного встряхнулись».

Мне не довелось спросить у Рохлина, кто возглавлял то самое подразделение. Значительно позже я выяснил, что командовал тем легендарным 68-м отдельным разведбатом 20-й гвардейской мотострелковой дивизии 8-го армейского корпуса капитан Роман Шадрин, получивший в ходе боев звание майора. Уникальной смелости и военной мудрости человек. В Грозном его подчиненные провели успешную операцию по захвату укрепленного здания главпочтамта. Пробились к президентскому дворцу. Во главе штурмовой группы молодой комбат вышел в тыл к боевикам, оборонявшим бывшее здание обкома в районе гостиницы «Кавказ», двое суток был в окружении, без связи с Рохлиным, отбил десятки атак, но обеспечил взятие основными силами тактически важного здания обкома. С двадцатью семью разведчиками Шадрин выбил врагов из краеведческого музея и закрепился там. Было отражено одиннадцать атак, несколько раз сходились в рукопашном бою, а потом умелыми действиями подразделения офицер обеспечил взятие федералами гостиницы «Кавказ». С декабря 1994 года по февраль 1995-го батальон провел одиннадцать крупных операций, потеряв в жесточайших боях трех офицеров, одного прапорщика, одиннадцать сержантов, два человека пропали без вести. По представлению Льва Рохлина 1 декабря 1995 года майору было присвоено звания Героя России. Второй раз Шадрин воевал в Чечне в должности командира полка. Мне стало известно, что сейчас Роман Шадрин уже генерал.

А еще мне известно, как все, абсолютно все солдаты и офицеры за глаза, после Чечни, будут называть Рохлина батей или просто папой. «Папа приказал…», «Если папа сказал…», «Да мы за батю…». Вот такие слова. Вот такая слава.

Рохлин не забудет своих погибших солдат и офицеров. Ничего не забудет и из этой кровавой кампании, проведенной начальниками «на дурака» и «тяп-ляп». Он припомнит гибель личного состава 131-й отдельной мотострелковой бригады и 81-го полка, когда станет председателем Комитета Государственной думы по обороне и направит материалы дела в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. За преступления, за кровь молодых и необученных солдат виновные должны ответить. Так он считал.

Кавказ – эпицентр интересов

Как видим, взгляд генерала на чеченскую войну был жесткий, однозначный и, наверное, объективный, хотя многие участники тех событий могли бы с Рохлиным в чем-то не согласиться. Однако жизнь многогранна, а время иногда открывает новые факты, которые позволяют нам увидеть ранее скрытые детали масштабной панорамы истории. В связи с этим представляется интересным свидетельство признанного ученого в области фундаментальных и военно-прикладных наук, доктора технических наук, профессора, ректора Балтийского государственного технического университета «Военмех» (1987 – 2002 гг.), депутата Государственной думы РФ (2004 – 2007 гг.) Юрия Петровича Савельева:

– Как-то мне довелось со Львом Яковлевичем поговорить обстоятельно о последней войне, в которой он участвовал, и Рохлин рассказал, как в первые же дни пребывания под Грозным разведка установила, что воевать придется не с бандформированиями, а с обученными и хорошо вооруженными воинскими частями, включающими в себя, помимо горнострелковых бригад и подготовленных иностранными специалистами мусульманских полков, также танковый, артиллерийский и зенитно-артиллерийский полки, два авиационных полка и подразделения специального назначения.

Позднее я по различным источникам установил примерный объем вооружений настоящей армии Д. Дудаева. По самым скромным подсчетам, против Рохлина и полков МВД было выставлено свыше 40 танков Т-62 и Т-72, более 50 БМП, около 150 различных артсистем, в том числе два десятка установок «Град», системы ПВО «Шилка», ЗСУ-23 и другие. Особую опасность представляли специальные истребительные бригады, оснащенные противотанковыми системами и системами РПО «Шмель», включая их зажигательные варианты. Уже в первые дни пребывания в районе Грозного Рохлину стало понятно, что чеченское руководство фактически поддерживается федеральным центром. Это было видно и по тому, сколько оружия оказалось в руках боевиков, и по тому, как из Москвы управляли нашими войсками. Из его слов выходило: если хочешь побеждать, то действуй самостоятельно, без оглядки на засевших в тылу многочисленных военных и гражданских чиновников. Собственно, именно он так и поступал. В результате и Дворец Дудаева взял, и людей в его корпусе погибло на несколько порядков меньше, чем в других соединениях.

В свою очередь, я поделился с ним одним из поразивших меня фактов. Летом 1994 года мне довелось участвовать в конференции по торгово-экономическому сотрудничеству между Россией и США в американском городе Денвере. В числе выступавших оказался заместитель главы ЦРУ. Он делал доклад о позиции США по вопросу освоения нефтяного прикаспийского шельфа и транспортировки «черного золота» из этого района в Турцию и черноморский регион. Один из присутствовавших на конференции задал вопрос о возможности переправки нефти через Чечню при наличии в этом районе военной напряженности. Представитель ЦРУ немедленно и без сомнения ответил: «Да, мы изучали это, знаем проблему и в самые ближайшие месяцы ее решим так, как это будет целесообразно в интересах США». Меня потряс цинизм американца. Но я еще больше был потрясен, когда уже через два-три месяца начались вооруженные столкновения в Чечне.

Я спросил Рохлина, не удавалось ли ему сталкиваться с присутствием зарубежных военных специалистов в ходе военной кампании в Чечне? Генерал ответил утвердительно, но добавил, что, по его сведениям, никому из тех, кто попадался с оружием в руках, не удавалось вернуться домой.

Рохлин высказал поразившую меня тогда мысль об истинных причинах вдруг возникшей войны между федеральным центром и чеченским руководством, помимо очевидного подстрекательства США, о котором я упомянул. Дело в том, что руководитель Чечни Д.

Дудаев публично высказывал недовольство искусственным развалом Союза и нелигитимностью президентской власти в России. Он считал, что СССР должен быть скорейшим образом восстановлен, а инициаторами такого восстановления могут выступить народы Кавказа, и даже предпринимал конкретные шаги по инициативным встречам с руководителями других кавказских республик. Впоследствии эту информацию Рохлина мне подтвердил в частной беседе один из известных в Питере журналистов, проведший всю первую чеченскую кампанию в штаб-квартире Дудаева.

Я вполне разделяю точку зрения, что отделение Чечни с точки зрения руководства «новой» России было бы вполне приемлемым по сравнению с опасностью восстановления СССР кавказскими народами.

В политику!

Политическое руководство страны и российское военное командование как в мирное время, так и в ходе «контртеррористической» операции странным образом все делали во вред армии, да и государству в целом. Ельцин не принимал у себя в Кремле Дудаева, тем самым давая понять, что не признает президента Ичкерии. В ответ глава Чечни нарочито демонстрировал свою независимость от России: бесконтрольно добывал нефть, торговал ею и быстро сконцентрировал у себя огромные финансовые средства. Практически в это же время происходит невообразимое – министр обороны, выведя с территории республики воинские соединения, арсеналы с оружием передал в ведение местных военачальников. И хотя, по словам Главной военной прокуратуры, все приказы подписаны командующим Северо-Кавказского военного округа, без Грачева склады попасть в руки сепаратистов явно не могли. Не сам же Ельцин скомандовал вооружить чеченцев? Так или иначе, а для полномасштабного конфликта в этот момент не хватало самой малости – провокации. И она не заставила себя ждать. Тот же Грачев, собирающийся в Грозном наводить порядок одним парашютно-десантным полком, тем не менее на штурм города бросил «добровольцев», наспех собранных в гвардейской танковой Кантемировской дивизии. Итак, порох рассыпан, фитиль зажжен – страна мгновенно вспыхнула гражданской войной.

Не лучше велась и вся кампания по уничтожению бандформирований. Против хорошо вооруженных боевиков, многие из которых имели опыт ведения войны, были брошены необстрелянные мальчишки, попавшие в Чечню напрямую из военкоматов. Долгое время у армейской группировки не было единого руководства. Командовать брались то министр обороны, то начальник Генерального штаба, то назначали кого-то из генералов, как правило, не обладавших ни опытом, ни необходимыми качествами. Всеобщая неразбериха, отсутствие согласованности действий армии и Внутренних войск привели к трагическим ошибкам, которые повлекли большие потери личного состава.

Как мы знаем, особенно «не повезло» армии с «лучшим министром обороны» Грачевым. Имея опыт командования полком в Афганистане, он, к сожалению, за мирное время растерял тактическое и стратегическое мышление, а возня возле Ельцина и желание «прописаться» в «семье» президента сделали из него политика «чего изволите?». Оттого он все время принимал решения с оглядкой на Кремль. Чтобы больше понравиться Ельцину, предпринял сумасбродную попытку танковой атаки на Грозный. Потом в честь собственного дня рождения без подготовки и тщательного планирования кинул войска штурмовать набитый боевиками город. Потерпев серьезное поражение по всем направлениям, кроме того, где действовал корпус Рохлина, запил. Когда же волгоградцы очистили центр Грозного, захватили Дворец Дудаева, взяли ключевую в стратегическом плане площадь Минутку и оттеснили бандформирования на окраину населенного пункта, министр очухался и дал пресс-конференцию. На ней он неожиданно заявил: «Операция по взятию города была спланирована внезапно и проведена с наименьшими потерями… А потери пошли, тут я вам честно хочу сказать, по рассеянности некоторых командиров нижнего звена, которые почувствовали легкую победу и просто-напросто расслабились». Кто знал ситуацию, слушал его, сжимая кулаки.

Надо сказать, предательство было повсюду. Информация из Кремля, Министерства обороны, Генерального штаба и штаба округа утекала со свистом. Тот же Грачев жаловался, что стоит у Ельцина получить задачу, как о ней уже знает чеченская сторона. Тайно вылетал в Грозный, а на аэродроме его выстраивались встречать не только подчиненные, но и зенитчики бандформирований. Дошло до того, что министру приходилось имитировать собственный отлет с аэродрома «Северный» – когда самолет совершил все рулежки и остановился

перед началом разбега, генерал выпрыгнул на бетонку и «огородами» добрался на командный пункт.

Кавказскую войну в прессе открыто называли позором армии. Госпитали были забиты ранеными. Российские города, села и деревни, получая запаянные гробы, выли от горя, а Грачев, красуясь перед журналистами, сообщал: «Наши мальчики умирали с улыбкой на устах». Оправдания национальной трагедии не было. Осознавая, что страна попала в капкан, Кремль судорожно искал выход. Как всегда не там, где он находился. Вместо того, чтобы силой раз и навсегда подавить бесчинствующих сепаратистов и съехавшихся со всего мира головорезов, власть то и дело имитировала стремление к мирным переговорам. Военные стали заложниками бестолковой политики и продажных чиновников.

На фоне этой вакханалии, этого политического бардака образ Рохлина проступал светлым пятном. Страна с извращенными моральными ценностями, когда все по именам знают звезд российской эстрады и клички их любимых собак, кто, когда и с кем спал, неожиданно начинает повторять фамилию генерала, обеспечившего взятие города Грозного. Журналисты, побывав в успешно воюющем корпусе, наперебой рассказывали о героизме и мужестве его солдат и офицеров, решивших исход операции по захвату столицы мятежной Ичкерии. Помимо воли военного руководства, имя комкора набирало звучание, его авторитет взлетал на высоту. Страна увидела – даже в этой непопулярной войне есть герои, которые спасли поруганную честь нации.

Осознавал ли генерал, что стал символом непобежденного русского воинского духа? Я об этом его не спрашивал. И язык бы, конечно, не повернулся, потому что Льву Яковлевичу чуждо было рассуждать о высоких материях, тем более говорить о себе в превосходной степени.

– Вернулись в Волгоград мы в феврале 95-го, – рассказывал Рохлин. – Много раненых. Куча проблем с семьями погибших. У них жены, дети, а кормильца нет. От всего этого не отмахнешься. Это первое. Потом награжденные. Мы представили людей к Героям, к орденам, медалям, а Москва не торопится присваивать. Чиновники… Пришлось самому ехать, разбираться, рычать на всех. Ну и третье. Из Чечни я вынес собственное видение войны и мира. Подготовил документ – выводы, обоснования, рекомендации по выполнению боевых задач с учетом местности и национальных особенностей населения. Условия ведения переговоров и заключения мира. Если бы тогда прислушались ко мне, то такого позорного соглашения, которое потом подписал Александр Иванович Лебедь, не было бы. Россию в очередной раз унизили.

Рохлина с его аналитической справкой в Министерстве обороны и Генеральном штабе выслушали, давая понять, что и здесь «таких умных» пруд пруди. Словом, в родном отечестве пророка нет. Плюнув на все, генерал вернулся в Волгоград и стал готовить корпус к новой отправке в Чечню. Он понимал, что в Вооруженных Силах на сегодняшний день таких боеспособных и познавших вкус победы военных формирований, как его корпус, больше нет. А значит, после небольшой передышки гвардейцы вновь окажутся на войне.

И тут его вызвали в Москву. В стране замаячили выборы в Государственную думу второго созыва. Разобравшись, что его прочат третьим по списку в блок «Наш дом – Россия» (НДР), генерал быстро смекнул, что на его популярности хотят завоевать голоса электората, и решил не продешевить. Корпусу требовались перевооружение, жилье, ремонт и строительство казарм, зависшие в коридорах власти награды… Торг прошел успешно – Виктор Черномырдин пообещал исполнить все, лишь бы генерал вошел в первую тройку федерального списка. Так Рохлин оказался в политике.

Вспоминает Игорь Николаевич Родионов, экс-министр обороны, генерал армии:

– Встал вопрос о присвоении Рохлину Героя России. Лев Яковлевич позвонил мне в Москву и сказал, что от Золотой Звезды откажется, что генералы в этой войне не заслуживают наград, настоящие герои – солдаты и офицеры, которые своими жизнями расхлебывают ошибки и предательство политиков.

Когда Черномырдин стал собирать команду на выборы в Госдуму, сразу вспомнил о Рохлине – им нужны были герои. Глава правительства, пообещав, что построит несколько домов для бесквартирных офицеров волгоградского корпуса, тем самым заманил командира корпуса в списки НДР. Но обманул и ничего не выполнил. Рохлин впоследствии во всех разуверился, из пропрезидентской фракции вышел и ни к кому не примкнул. Стал создавать свое политическое движение.

Уже в сентябре, после съезда, на котором Рохлина утвердили кандидатом в депутаты Государственной думы от НДР, Лев Яковлевич отвечал на вопросы московских журналистов. Они откровенно посмеивались над угловатыми повадками генерала, еще недавно личным примером поднимавшего в бой необстрелянных солдат, привыкали к его своеобразному выговору. Но Рохлин подкупал своим героическим прошлым, открытостью и откровенностью суждений. Он напрямую заявил, что его место не в Думе. «Я должен, я умею командовать. Это не хвастовство. Меня представляли к Герою Советского Союза в Афганистане за то, что я умею командовать. Я прекрасно справлялся с задачами в Закавказье по той причине, что я умею командовать… Я считаю, что я принесу большую пользу Родине хотя бы на Северном Кавказе».

Из этого было понятно, что в коридорах власти задерживаться он не собирается. Вот развяжет чеченский узел, поддержит упавший авторитет армии, заставит власть пересмотреть свое отношение к обороноспособности страны – и назад, в свой корпус. Журналисты только дивились его политической наивности. Перечисленные задачи, которые он ставил перед собой, тянули лет на сто и быстрого решения не подразумевали.

Знакомство с Илюхиным

Из воспоминаний Виктора Ивановича Илюхина, депутата ГД первых пяти созывов:

– Прошли выборы в Государственную думу второго созыва. Это был декабрь 1995 года. Пятипроцентный барьер уверенно преодолели блок «Наш дом – Россия» во главе с председателем ельцинского правительства В. Черномырдиным, Компартия, со значительным отставанием прошли ЛДПР и «Яблоко» Г. Явлинского. В январе депутаты собрались на первую сессию. Как обычно, началось формирование комитетов, распределение должностей. Я продолжил возглавлять Комитет по безопасности.

А вот председателем Комитета по обороне стал Лев Рохлин. В НДР он шел по списку третьим, и фактически избирательная кампания ельцинистов во многом строилась на имени генерала, прославившего себя в боях за Грозный. Поэтому, когда спустя месяц-полтора после начала работы Госдумы ко мне в кабинет зашел Лев Яковлевич, я его встретил с определенной настороженностью. Но стоило с ним поговорить десять минут, как я понял, какой это замечательный человек. Бесспорно, он подкупал открытой улыбкой, какой-то даже крестьянской простотой разговора и образностью выражать свои мысли. А главное, стало ясно, что этот военный человек, герой войны – настоящий патриот. Он сильно переживал за состояние армии, клял верховную власть за развязанную гражданскую войну и несанкционированную передачу огромных партий вооружения чеченским сепаратистам. Через час мы с ним уже говорили на одном языке и строили планы о согласованной работе двух комитетов – по обороне и безопасности.

Засиделись у меня в кабинете допоздна. И настал момент, когда я посчитал для себя возможным задать ему вопрос, что называется, в лоб:

– Скажи, дорогой Лев Яковлевич, как же тебя угораздило оказаться в НДР? Там ведь как раз те люди, которые разваливают страну и твои Вооруженные Силы, кто вначале вооружил чеченцев, а потом бросил туда необстрелянных юнцов на пушечное мясо. Ты что, не разобрался в этом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.